

ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
НОЯБРЬ 2015 г. • № 11 (229) ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ
Издается редакцией и Союзом писателей России

Иван ОХЛОБЫСТИН

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

Недавно Иван Охлобыстин обращался к президенту с открытым письмом, в котором призывал провести референдум о возвращении уголовной ответственности за мужеложство. Теперь же Иван решил на новое письмо, адресованное непосредственно к самим розово-голубым...

"Содомиты! Я знаю, что провокаторы в вашей гиблой среде усиленно призывают вас выйти на очередной гей-парад 19-го января. Это особый, святой для всех православных людей день – Крещение Господне! Богоявление!

Проведение вами в этот день публичного собрания извращенцев на улицах столицы Святой Руси, под какими бы благозвучными предложениями и призывами оно не проводилось, бесконечно больно ранит души верующих людей. Не верьте своим активистам провокаторам, что в преддверии Олимпиады вам ничего не грозит. Это губительное заблуждение. Может произойти что угодно. В первую очередь, потому что ваши активисты крайне заинтересованы в самом чудовищном развитии событий.

Обращаясь отнюдь не из сострадания к вам, поскольку вас и за людей-то не считаю, обращаюсь из опасения, что из-за вас могут пострадать действительно нормальные люди, не способные сдержать своего праведного гнева. Своим греховным безумием вы изломаете сотни жизней. Ваши активисты хотя гнать вас на бойню.

Им просто из-за границы платят огромные деньги

заклятые враги России, которым во чтобы то не стало нужно найти ещё один повод сорвать Олимпиаду и опозорить нашу несчастную Родину. Ваши активисты не думают о вас, вы для них пушечное мясо, трамплины для карьерного роста. Что не удивительно, ведь ваш общий хозяин – дьявол.

Не доводите до катарсиса. Вы уже своим бессовестным, агрессивным присутствием во всех областях общественной жизни настроили против себя всю Россию. Раньше вас презирали и сторонились, теперь вас ненавидят и боятся. Это очень опасно, в первую очередь для вас. Будьте объективны – пока вас не стало "слишком много", вас никто и не трогал.

Но за несколько лет вы умудрились создать из себя объект солидарности для ранее непримиримых сторон – от русских националистов до этнических формирований и ещё нескольких десятков других противоположностей – атеистов, христиан, мусульман, иудеев и т.д.

Как это печально, но людей объединила не любовь, не мудрость, не культура, не справедливость, а ненависть и страх. Хотя видимо в этом есть какая-то своя логика, логика Последних Времени.

Но "точка невозврата" ещё не пройдена. Просто сидите по своим нормам и не высывайтесь. Творите ваши мерзости между собой, вне глаз порядочных людей, в своём кругу. Не лезьте к нашим детям. Не навязывайте нам свои представления о норме. Для нас это не норма и никогда не будет таковой.

Короче говоря: позвольте людям счастье забыть о вас. И вы останетесь невидимы. Разумеется, пока не покинете эту жизнь естественным путем, ко всеобщему облегчению".

О новом романе Юрия Полякова "Любовь в эпоху перемен"

Читая романы Юрия Полякова, большинство читателей перечитывают и свою собственную жизнь. И даже не одну. Так уж нам повезло, что наше с Поляковым поколение пережило уже три эпохи: советскую, перестроечную и нынешнюю стабилизирующуюся. Дай Бог, чтобы не окунуться ещё и в четвёртую – трагическую. И в каждой эпохе часть людей помало, затягивало под колеса.

Как уцелеть? Поразительно, но на самые драматичные, самые трагические, самые острые социальные темы Юрий Поляков пишет лёгким увлекательным языком, он помо-

гает миллионам своих читателей выжить в самое непривлекательное время. Это как весёлый клоун под бомбёжкой выводит маленьких детей из зоны огня под свои шуточки-прибаутки. Сочетание Ивана Бунина и Михаила Зощенко. Смех сквозь слёзы. Так писал Василий Шукшин, так писал Сергей Довлатов. Неплохая традиция в нашей русской литературе.

Вот и новый его роман "Любовь в эпоху перемен", по сути, горькая исповедь всей нашей перестроечной эпохи, доверенная бесшабашному журналисту, легко изменяющему своей жене, легко предающему своих газетных начальников, легко меняющему взгляды согласно изменениям самой эпохи.

Его любовные истории легко прочтываются, но без боли, а на фоне любовных историй также заманчиво прочтывается и вся судьба нашей страны за последние тридцать лет. Знаменитый писатель завершил работу над новым романом о недавнем драматичном периоде жизни страны. И он не хуже нас понимает всю драму этого периода, всю трагедию эпохи, повлекшей за собой и гибель мировой Державы, и сотни тысяч погибших людей.

Спасает роман щедрая и занимательная ирония. Недаром академик Николай Скотарин назвал свою статью о нём: "О творчестве Юрия Полякова, или о спасительности иронии".

С иронией легче пережить тяжёлые годы, она спасает от уныния и поражения. Но сквозь заманчивую иронию читатель приходит и к пониманию всей мерзости нынешней коррупционной власти в России – людей, которых Поляков, обладая даром афористичности, называет "наоборотниками".

Пожалуй, нет сейчас ни одного такого писателя, так естественно раскрывающего тайну человеческой души, и при этом соединяющего интимную психологическую жизнь своего героя с острой социальной публицистикой. Автор и впрямь не соперничает, а попросту переживает лично всё, чем наделяет своего героя. Это всегда не просто герой, а его альтер-эго, хотя при этом часто являющееся явно отрицательным персонажем. Вот потому многие критики его и недолюбливают, принимая все описанные пороки героя романа как реальные, и перенося их на самого автора.

В каком-то смысле это похоже на прозу Лимонова, которого всерьёз клеймят за пороки его литературных героев. К тому же, роман "Любовь в эпоху перемен", как и все остальные

книги Полякова, насыщен социальной публицистикой, публицистика внедряется в действие самого романа, и ты не знаешь, к кому относятся эти остро социальные высказывания: к герою романа или к самому автору. Вроде бы к герою романа относятся столь едкие слова об атмосфере в нынешнем обществе:

"Смелков бесился не из-за воровства. Оно давно стало в Отечестве чем-то вроде обмена веществ в организме. Казалось, перестань люди воровать, брать взятки, откатывать – всё сразу остановится, замрёт: заводы не будут дымить, поезда грохотать по рельсам, самолёты взлетать и садиться, банки торговать валютами, а танки вращать башнями, целясь во врага. Казалось, без воровства исчезнет смысл существования, ибо на честные деньги жить неинтересно и утомительно..."

Но читатель смело переносит этот взгляд на всё наше общество в целом, и если выделить все подобные соци-

альные высказывания, получится острая и меткая зубодробительная публицистика.

Впрочем, вкрапления подобных социальных выводов в художественный текст делают эти выводы ещё убедительней. Читатель УЖАСОМ понимает, в какой атмосфере тотальной коррупции и бездуховности он сегодня живёт. И чем жить ему? Разве что любовными отношениями?

Вот так из социального публициста писатель превращается в тонкого психолога, а затем оборачивается в ирониста, подсмеивающегося и на самим собой, и над своей жизнью, и над своими героями. Недаром его друг, критик Владимир Кунцицын, тонко подметил: "Если идти вслед за героями Полякова, выйдешь на бунинские тёмные аллеи".

Как рассказывает сам Юрий Поляков, задуман был сначала рассказ в бунинской традиции о том, как человек, уже "едуший с ярмарки", вспоминает свою давнюю утраченную любовь, которая теперь ему кажется самой главной в жизни. Но писатель любит всегда детализировать свои сюжеты, и вот так от пощелуев и постельных объятий он обращается к показу, на каком фоне разворачивалась эта любовь.

И вот уже любовь где-то в примечаниях, а на первый план вылезает реальная биография страны со всеми достоинствами и недостатками.

Юрий Поляков не отрицает: "Кстати, я в романе и себя достаточно иронически изобразил, эдакий живчик ускорения, воплощающий то самое наивное самообольщение, неколечко веру в завтрашний день только потому, что он завтрашний. В этой книге, думаю, многие узнают себя, начиная с отцов Державы и грандов гласности. Подозреваю, это не улучшит моих к ним отношений..."

Честно говоря, неплохо зная автора, объездив с ним и наши просторы, и даже Поднебесный Китай, я и сам видел в достаточно отрицательном герое романа "Любовь в эпоху перемен" самого автора, не боявшегося иных саморазоблачений. Впрочем, все талантливые писатели вынужденно саморазоблачаются в своих героях.

Спасает и ирония, отличающая Юрия Полякова от популярных сегодня новых реалистов. Его Геннадий Скотарин такой же журналист, как и автор, такой же главный редактор, такой же sentimentalный, и такой же открытый настежь новой любви.

Но, автор осознанно отсылает своего альтер-эго в противоположный ему лагерь, в либеральную прессу, застав-

(окончание на стр.6)

VIII Всероссийский фестиваль "Русский смех" в нижегородском Кстово

К итогом 8-го фестиваля "Русский смех" имени Евгения Нефёдова

Фёдор Достоевский любил повторять: "Хорошо смеётся человек – хороший человек". Увы, сегодня на телеэкранах мы видим много плохо смеющихся, недобро усмевающихся или бездумно ржущих людей. Крайне мало печатают сатирических и иронических стихов периодические издания, но ведь их сочиняют и сегодня! Почти совсем ушли из СМИ фельетон, острый памфлет, политическая карикатура – только Геннадий Животов в "Завтра" продолжает держать марку. А ведь все эти жанры были и до революции, а уж в годы советской власти... Или мы окончательно утратили любые традиции и захлёбываемся в низкопробной масскультуре? А вот французы не унимаются. В Сети появился рисунок обложки нового номера французского журнала карикатур Charlie Hebdo. После громкого скандала, когда в России очень жестко отреагировали на карикатуры о трагедии с самолётом А321, редакция вновь обратилась к этой теме и превзошла саму себя. Новый рисунок сравнивает катастро-

Которому издревле треба Славянское мясо и неба.

Эти увещательные стихи Александра Ананьева напечатаны в очередном альманахе "Русский смех" (президент Олег Рябов), который вышел к 8-му Всероссийскому фестивалю иронической поэзии в издательстве "Книга" Нижегородской области (председатель оргкомитета кстовский поэт-пародист Олег Захаров). Мы с организаторами и составителями альманаха (к ним ещё надо добавить москвича Александра Хорта) всегда готовили в сборнике какую-то изюминку, сквозную ноту или злободневную тему. В Год литературы и 100-летнего юбилея замечательного поэта-фронтовика Константина Симонова таковой могла бы стать поэтико-стилистическая пародия (а не просто пародия – реплика и зубоскалка, ироническое обыгрывание неудачных строк), а главное – политическая сатира, клеймящая и высмеивающая всё антирусское (да и антиукраинское), что творится ныне на братской Украине, на агрессивном Западе. Ну, стихи-то симоновские легко найти и напечатать на открытие альманаха, а вот с подлинной сатирой – плохо. Хотя и со

Где наш ответ Charli Hebdo?

Александр БОБРОВ

фу российского самолёта с "домашним порно", а рисунок отключается предельно циничным реализмом, изображая "соитие" задней части самолёта и ракеты. Напомним, Charlie Hebdo, грубо высмеивавший пророка Магомета, стал всемирно известен после того, как в январе двое неизвестных ворвались в редакцию и с криками "Аллах Акбар!" расстреляли десять сотрудников журнала и двух полицейских. Но над Россией можно смеяться безнаказанно. На сайте французского посольства в Москве появилось официальное заявление представителя МИД под названием "Карикатуры в прессе в связи с аварией самолёта на Синае". Согласно ему, посольство скорбит вместе с россиянами, но ничего не может поделать с неприкосновенностью свободы слова во Франции. Как трогательно! Ну вот и добомбились в Сирии, и дорисовались в любимом листке наших либералов. Ну что, они больше "Не Шарли" или для этого надо на парижский рок-концерт поехать?

Российские парламентарии дали жалкий ответ французскому сатирическому еженедельнику Charlie Hebdo. Сенатор Валентина Петренко показала ответную карикатуру с людьми в горящем котле и подписью "Ад приветствует Charlie Hebdo". Как выяснилось на пресс-конференции, сенатор позаимствовала рисунок у украинского художника Юрия Журавля, причем горящими в аду он-то изобразил экс-президента Виктора Януковича и его сторонников. Впрочем, парламентариев не смутило ни нарушение авторских прав, ни политический контекст карикатуры – они заявили, что готовы "подписать под любой картинкой", где говорится об аде". Неужели не могли во всей России найти карикатуриста? Докатились...

Яростнее всех отреагировал Владимир Жириновский: "Если мы будем ставить этот вопрос в плане межгосударственных отношений, французский президент скажет, что он никакие отношения к этому журналу не имеет. Надо, чтобы у нас был свой сатирический журнал, чтобы высмеивать всю Францию, всех французозов, начиная с Наполеона. Мы готовы в своей газете, в своих изданиях публиковать какие-то сатиры на французозов. Но в полном масштабе этим должны заниматься государственные пропагандистские органы. У нас есть в России деньги на контрпропаганду". Сам политик от лица ЛДПР отказался финансово поддерживать такой журнал, так как считает, что этим должны заниматься в первую очередь российские пропагандистские органы. По мнению Жириновского, государство вполне может выделять на это деньги: "У нас в стране есть деньги на контрпропаганду. Но нет соответствующего "госзаказа". Зато в той же Франции – есть. Там всё делается согласованно... В своё время Советский Союз точно так же колот Западу. В "Крокодиле" обсмеивали и дядю Сама и колониальную империю Франции... У нас нет пока специального журнала, но много авторитетных изданий. И каждое может поместить карикатуру именно против французозов. Смеяться над всем, что у них негативного. И над тем, что им дорого". Дело в том, Владимир Вольфович, что чиновникам Роспечати и главным редакторам "авторитетных изданий" то, что дорого французозам, – ещё дороже. Они не будут ссориться с Западом из-за каких-то карикатур. Они мечтают, как недавно скончавшийся Михаил Лесин – министр информации! – закончить жизнь в США или на Лазурном берегу. А там-то спецслужбы и бюрократы отслеживают все поступки и выступления. Есть же подробные досье, судя по точечным персональным санкциям! А тот, кто ещё не утратил у нас в стране чувство юмора, гражданскую пылкость, – не имеет ни средств, ни каналов. Пропаброд, возродил славный журнал "Крокодил", – занюхает скелетик, – публика отравлена скопированными программами "Один в один", "Точь в точь", махровой петросяновщиной и новыми русскими бабками". Да, но переполненный зал Дворца культуры нефтянников в Кстово в субботу, как раз то время, когда ведёт ужасную программу Николай Басков, о чём-то говорит? И почему пародии только на певцов с наложенными килограммами грима, а не на поэтов – это всегда пользовалось успехом у публики (вспомним "Вокруг света")? Или боссы ТВ думают, что совсем убили чувство юмора, стилия, поиски литературной формы. Кукиш им! – хочешь фестиваль "Русский смех" имени блестящего пародиста и сатирика Евгения Нефёдова!

В интернете первый отклик появился на полосе Башинформ. Уфимский писатель Владимир Кузьмичёв, который выступал на нашем VIII Всероссийском фестивале иронической поэзии "Русский смех" в Кстово Нижегородской области, сказал: "Фестиваль смешной, но не в плане организации всё было по-серьёзному. Мы чувствовали себя как дома. Я был удивлён тем, что пришло столько зрителей. Зал был переполнен, люди сидели даже в проходах на лестницах. Возможно, так происходил потому, что фестиваль задуман как альтернатива юмору ниже пояса, формат которого сейчас популярен на разных телеплощадках страны. На фестивале был сделан акцент на интеллектуальный юмор", – рассказал агентству "Башинформ" бывший мастер-строитель и мастер иронической миниатюры Кузьмичёв.

"О, смех великое дело! Ничего более не боится человек так, как смеха... Боясь смеха, человек удержится от того, от чего бы не удержала его никакая сила", – так говорил Николай Гоголь. Мы привыкли, что все высказывания классиков – неоспоримы, но мир вступил в такую информационно-параноидальную эпоху, что человек в стремлении как наживе и власти уже и смеха не боится, и зачастую не в силах отличить смехотворную ситуацию от идиотизма, а бичующую сатиру от пиара. И что поэты могут сделать-исправить, сколько ни бичуй гневными строками доверчивого хохла – земляка великого Гоголя?

Блуждай беззащитно, братец, блудись, На тлеющий запад с надеждой глядишь, Забыв в эти смутные годы Зачем ты и что ты, и кто ты... Одумайся, брат, и оружие своё Наставь на стелвшее в степь воронё.

стирани сборника, и со сцены Дворца культуры нефтянников звучало много остроумных стихов, подковырок, пародий, бардовских песен. Смех в переполненном зале не умолкал, и почти трёхчасовой вечер, оживлённый кстовским джаз-бандом и стихами ведущего – нижегородского барда Вячеслава Карташова, пролетел стремительно. В зале, как обычно, больше было женщин. Поэтому на ура принимались строки, где сатира носила по-женски лукавый характер и образные сравнения были по-житейски понятны без пафосного морализаторства. Вот как причпечала Инна Коженикова из Москвы: "Кредо президента в чём? / Я отвечу сходу, – Чтоб примером быть во всём Своему народу, Мысли свежие свои Претворять в указы. Наш придумал Год Семьи И – развёлся сразу".

Оргкомитет фестиваля никакие места не присуждает, а отмечает памятными статуэтками зайцев особо отличившихся или согревавших душу гостей. Бронзового косоногого художника Константин Яковлев, придумавший символ фестиваля, серебряного косоногого – Александра Суслова, поэт и почётный член Академии педагогических наук Казахстана, а ещё, как она сказала со сцены, трижды тёща: "У нас в казахском языке "тёт" звучит как "жок", Русский спрашивает казах: "У тебя тёща есть?" – "Жок". – "Я тоже сожгу...". А золотого косоногого получил любимец многих предыдущих сабантуев Владимир Митрофанов, представлявший всегда Балахну, а теперь переживающий в Москву. Спрашиваю его: "Ты где в столице работаешь?" – "Да так, на предпрятии...". Все теперь разведчиками стали... Володя выступал без гитары, читая стихи в лицах – то от имени жеманной обитательницы Рублёвки, то от записного патриота при власти:

Хорошо любить Россию Безвозмездно, просто так. Если ты ещё не понял, Значит, конченный дурак. Укради 100 миллионов С кабината на Оби. В Ницце вспомни о России И люби её, люби!

Как по заказу после вечера в гостинице "Дядя Ваня" над Волгой включил телевизор и попал на программу Романа Бабаяна "Право голоса", в которой выступали политики, депутаты, политологи, обсуждая острые проблемы... крошечной Черногории. А до великой России не снизойдётся? Многие утверждали, что Обама довёл США до ручки. Ну да, с 1 января 2016 года там повышают минимальную почасовую оплату труда до 10 долларов за час. Когда я от поэзии перешёл к публицистике, эта зарплата составляла 5 долларов в час, потом мне американка-редактор "Прогресса" рассказывала, что должна получать пусть и в кризисной России не меньше 7 долларов за час, как в родной Америке. Ну, вот теперь – 5 500 тысяч в день минималка в США, если пересчитать зарплату за 8-часовой рабочий день на рубли (столько у нас районная библиотекарша в месяц получает). А ещё на экране кричали, что Германия при бесконечном управлении Меркель стала сплошным клубком проблем, правда, средняя зарплата там – 3 600 евро... Вечно небритый депутат С.Железняк от ЕР вдруг пафосно заявил: "Пусть санкции, пусть вредит Германия – главное, мы выполним социальные обязательства перед гражданами!". Это ведь гоголевщина какая-то, фантазмагория! Да бывает ли он между ток-шоу в Госдуме, успеваешь ли читать газеты, постановления правительства и поправки к законам? У нас соотношение между МРОТ и прожиточным минимумом составил в 2016 году в лучшем случае 53,6%. Между тем Европейская социальная хартия, которую мы подписали, гласит, что минимальный заработок не может быть ниже 50% от средней зарплаты; у нас средняя зарплата по стране – 32 тысячи, значит МРОТ – 16 тысяч должен быть, а он – всего 6 тысяч! Так с какого же боудна мы берёмся поучать ЕС? А когда обдумим смешную компенсацию пенсий – вопреки закону! – не на 12% официальной инфляции, а на 4%? Или это и называется выполнением социальных обязательств? Голова от смеха и возмущения кружится!

Рамки фестиваля с каждым годом расширяются, хотя есть и желанные завсегдашние праздники – такие, как литературная команда во главе с редактором "Невского альманаха" Владимиром Скворцовым. Съезжаются авторы-исполнители и барды из 15-ти регионов России и ближнего зарубежья. Впервые кстовчане увидели и услышали иронических поэтов из дальних регионов страны – Калининграда, Крыма, Краснодарского края, Свердловска, Кирова, Новосибирска. Достаточно широко было представлено Приволжье – русскоязычные писатели из Татарстана, Мордовии, Чувашии и Башкирии. В общей сложности – 60 участников! Мы с директором Центра нижегородских писателей при библиотеке им. Пушкина Надеждой Васильевной Калачёвой – строгой мамой фестиваля ("Никаких скабрёзностей и двусмысленностей со сцены!"), спросили Олега Захарова про конченную сумму – во сколько обошлась такая масштабная и не имеющая аналогов фестиваль? "Из бюджета города выделили 500 тысяч; всё дорожает; билеты для гостей 120 тысяч, гостиница и товарищеский ужин – 120, аренда зала 50 и ещё...". Так это ж немного, если учесть гигантские российские траты незнанию на что! Например, безликий знак-бренд Новой Москвы, выполненный фирмой Тины Канделак, обошёлся бюджету в 15 миллионов рублей – аж 30 фестивалей! На следующий год в бюджет Кстово уже заложена сумма на 9-й фестиваль – всего из поухедренного бюджета на культуру 400 тысяч рублей – то есть меньше зарплаты депутата Госдумы за один (!) месяц. А что творил арестованный губернатор Хорошаев на Сахалине? Власть острогового региона решили потратить 680 миллионов рублей на улучшение имиджа губернатора – 140 масштабных фестивалей в Кстово. И – внимание! – один только унитаз для губернаторской уборной обошёлся казне в 200 000 рублей.

Гоголь отдыхает...

**ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
"ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ"
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ
"ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ..."
ИНДЕКС: 26260.
НАШ САЙТ: denlit.ru**

ИНФОРМБЮРО

XIX Всемирный Русский Народный Собор обращён к важнейшему событию – наследию Равноапостольного князя Владимира. Целый год проходили молебны, конференции, паломнические поездки, посвящённые этому. Правда, иногда это дата упокоения князя отмечалась как чисто историческая дата. И это было тоже важно, но ясно, что принятие Христианства на Руси стало корневым событием для

жем не обращаться к словам президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина и Святейшего Патриарха, сказанным ими во время приёма в Московском Кремле 28 июля этого года и обращённым к знаменательному событию, к деяниям князя Владимира, к роли Христианства.

XIX ВСЕМИРНЫЙ РУССКИЙ НАРОДНЫЙ СОБОР

нашего народа. Русский народ почувствовал прилив духовных сил, великую энергию созидания и преобразования, почувствовал силы

только князя Владимира. Одной из важных секций была секция, которая проходила в Союзе писателей России по теме "Россия и Украина: исторические духовно-культурные связи". Конечно, кое-кто хочет представить

необоримости нашего исторического развития и призвания.

В этот год 70-летия нашей Победы в Великой Отечественной войне, которую отмечала наша страна, звучало и такое сравнение, что наша страна спасла тогда человечество от уничтожения, а крещение Руси спасло её от затухания, укрепило её дальнейшее будущее и развитие. Народ Руси выработал в результате те черты характера и мышления, которые и определяют сегодня его роль в истории.

Мы говорили об этом вчера при проведении секций Собора и сегодня будем говорить и обсуждать на пленарном заседании. Мы не мо-

жем не обращаться к словам президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина и Святейшего Патриарха, сказанным ими во время приёма в Московском Кремле 28 июля этого года и обращённым к знаменательному событию, к деяниям князя Владимира, к роли Христианства.

Собор начинался вчера в секциях по различным направлениям наследия равноапостольного князя Владимира. Одной из важных секций была секция, которая проходила в Союзе писателей России по теме "Россия и Украина: исторические духовно-культурные связи". Конечно, кое-кто хочет представить те трагедии и драмы того, что там сейчас происходит как давние устремления Украины в Европу, но за всей этой псевдоисторической картиной забывают те глубинные неразрывные духовно-культурные связи, соединившие наши народы поистине на века. На секции говорилось, что Господь Бог, история наша присудили жить нам рядом, сначала соединено, переживая радости и горести вместе, затем в разных государствах.

Но никто не переселит наши народы в другие миры, и поэтому они были и будут рядом и один в другом. Мы не можем ни признавать, ни оправдывать фашизм, радикальный национализм и геноцид, показывающие свой звериный оскал. Но мы должны искать и находить вменяемых людей, оживлять, взывать к жизни то, что делало наши народы родными братьями, то, что сохраняет жизнь тысячам и миллионам людей.

Участники работы секций высказались за то, чтобы Собору, соборянам следует обращаться к той позиции церкви, которую не раз провозглашал Патриарх, призывая к миру и примирению, в том числе обращаясь к нашему прошлому. Великий свет Христианства ося-

щает наши народы из веков Равноапостольного Владимира и всю его историю, создаёт поле Святой Руси украинского, белорусского и русского народов, Русского мира.

Во всех православного храма звучит молитва о прекращении междоусобной брани: "Избави люди Твоя от междоусобной брани, утоли кровопролития, отврати належащая беды". Мы вспоминаем великие традиции нашей

общей Веры, наших культур, литературы нашей. Судьбы наших народов переплелись, наполнились великими едиными победами, единым горем, едиными надеждами.

Мы помним великий вклад граждан Украины в Победу в Великой Отечественной войне, в борьбе с фашизмом. Вся Украина покрыта горами фронтовиков и их сейчас второй раз, но тайно пытаются снова похоронить, убрать из памяти, предать забвению, запретив георгиевскую ленточку, то красное знамя Победы, под которым они сражались. Это ли не кощунство? Не такой ли победы добивался Гитлер? Мы не должны дать забыть их, воссоздавая их подвиг и здесь, у нас в России, рассказывая о них. Придет время и цветы памяти возложат и там, на Украине!

Многие правильно обращались к выступающим, телеведущим, когда те обличая нарушения и преступления, однозначно обвиняют Украину, украинцев, в то время, когда надо было бы говорить в этих случаях о властных структурах, партиях, группах. Надо быть уверенным, что Украина и украинцы скажут свое веское слово.

Говорилось на секциях и о широком наступлении в мире невежества, вандализма, полного отрицания ИГИЛ, мы видим вспышки вандализма на Украине и в Польше, где уничтожаются памятники воинам-освободителям от фашизма. После вдохновляющего многомиллионного шествия Бессмертного полка по стране вносятся предложения, продолжающие работу по воспитанию патриотического духа молодого поколения. И вот одно из них. Воссоздать у нас в стране "Золотое кольцо Героев" от Кули-

кова, Бородинского, Прохоровского поля до Сталинграда и Севастополя для всех школьников, что способствовало бы пониманию, общему восприятию истории. Обратиться к нашему бизнесу, гражданам, открыть дешёвые гостиницы, палаточные городки, перенаправить транспортные потоки. Это грандиозно, и было бы в полной мере правосладным действием для молодого поколения, для его памяти. Почему бы к следующему 75-летию юбилею не создать такое большее "Золотое кольцо Героев", как и внутренние маршруты в нём? Соборяне настойчиво обращались к словам

студенты, но прекратить бездумное объединение её с Текстильним, то есть дизайнерским институтом. Надо бережнее относиться к национальным святыням.

Общий соборный документ, Слово, мы раздали и просим вносить в Президиум предложения. После пленарного заседания в рамках Собора здесь будут проходить митинги, конференции и философские чтения Собора, организованные учёными Московского университета и философским обществом, утверждавшим нашу независимую политику, патристические позиции в науке и культуре.

Патриарха, сказанным им на Тюменском заседании Собора о необходимости "растушевать" русские проблемы, слова, понятия о России, русском, которые пугают некоторые структуры и людей, боящихся "как бы чего не вышло". Не выйдут, ведь количество русских в стране сейчас в процентном соотношении больше, чем в дореволюционной России и в Советском Союзе. Было и обращение по конкретному вопросу, не только приоткрывающее закрытие Славянской Академии, где учатся

в работе Собора принимают участие соборяне: священники, учёные, преподаватели, общественные деятели, военные, молодёжь, представители женских организаций, наши гости разного вероисповедания из страны и зарубежья.

Валерий ГАНИЧЕВ,
заместитель Главы ВРНС

По материалам сайта пресс-службы Патриарха Московского и всея Руси, сайта ВРНС и сайта "РНЛ"

ПОДВИЖНИКУ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

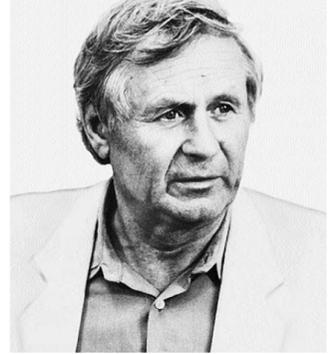
Михаилу Лобанову – 90 лет!

Дорогой Михаил Петрович! Писатели России, русские люди поздравляют Вас со знаменательным юбилеем – 90 лет!

Ваш труд по осмыслению русской жизни в отечественной науке и русской литературе, ваши книги о замечательных представителях русской культуры А.Н. Островском, всей семье Аксаковых, критические о Б. Шергине, Л. Леонове, М. Шолохове, М. Алексееве и многих других замечательных писателях и поэтах современной русской литературы, публицистические работы, историческое осмысление национального самосознания – всё это подлинный подвиг исповедника.

Вы создали современную школу русской национальной литературы XX-XXI веков, школу русского сопротивления – русскую духовную школу.

Многие русские люди познают и будут

познавать ещё многие десятилетия России, национальный характер русского человека по вашим книгам и статьям, семинарам в Литературном институте им. А.М. Горького, будут учиться бороться и побеждать.

Ваша неустанная подвижничья деятельность высоко ценится писателями-патриотами России. Верим, что еще многие годы вы будете служить русской культуре, делу отечественного просвещения.

Дорогой Михаил Петрович, мы сердечно поздравляем Вас, ваших соратников и соратников с этой знаменательной датой.

Желаем Вам сил телесных и духовных на многая и благая лета.

С любовью и неизменным почтением –
писатели России

Из интервью

с Михаилом Лобановым:
"...Из опыта своей долгой жизни я уже давно сделал вывод, что духовное, невидимое реальнее видимого, материального. И в памяти моей прежде всего встаёт то, что связано с духовными фактами, явлениями моей жизни. Большое влияние в молодости на мою внутреннюю жизнь оказала болезнь – туберкулез лёгких с многолетним пневмотораксом ("поддувание лёгких"). Но как сказал поэт: "Что пройдёт – то станет мило".

Болезнь оказалась не только лишением молодости ярких красок бытия, житейских радостей, но и накоплением тех сокровеннейших переживаний, которые помогут познать человеку самого себя, своё бытие, что Паскаль связывает с его религиозно-моральной основой, ни с чем не сравнимыми ценностями особого рода, в частности, милосердием..."

(Беседа с корреспондентом "Русского вестника")

Книгу Веры Галактионовой "ВОССТАНИЕ ПРАХА" (из собрания сочинений в трёх томах) можно приобрести, заказав по телефону:
8 495 98 47 167

ХРОНИКА ПИСАТЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ

В день своего 163-летия, 6 ноября 2015 года, в сибирский город Шадринск вернулся русский писатель Мамин-Сибиряк. Строго говоря, они не расстаются с той поры, как в 1895 году вышел в свет роман "Хлеб", где этот город предстает под именем Заполье. Но именно в этот день в Шадринске в очередной раз была вручена **Всероссийская литературная премия имени Мамин-Сибиряка и прошла XVI конференция Ассоциации писателей Урала, Сибири и Поволжья (АСПУР)**. В ней приняли участие представители 16 из 22 региональных писательских организаций, которые входят в Ассоциацию.

История и культура вообще имеют гораздо большее значение для малых и средних российских городов, отнюдь не избалованных иными ресурсами. Может быть, в том числе, поэтому в отнюдь не самый простой для экономики год на предложение сопредседателя Союза писателей России, координатора Ассоциации писателей Урала Александра Кердана принять конференцию откликнулся именно Шадринск. Причём со всем искренним радушием, которое свойственно глубинной России. Поддержал это решение и губернатор Курганской области Алексей Кокорин, который лично приветствовал участников на открытии конференции.

Мне очень приятно, что в завершение Года литературы руководством Ассоциации писателей Урала было принято решение провести конференцию на шадринской, зауральской земле... В год 70-летия Великой Победы над фашистской Германией переоценить значение патриотического воспитания нашей молодежи весьма трудно, а роль писателей в нем во все времена была очень важна... – подчеркнул глава региона.

Непромышленный Шадринск отнюдь не называешь – особенно с 1941 года, когда сюда за Урал были эвакуированы сразу несколько предприятий. Однако главным в местной символике и поныне остаётся хлеб. Это вполне ощутили участники конференции 5 ноября, когда после торжественного открытия Маминских дней и встреч с читателями Шадринска побывали в селе Мальцево, в доме-музее известного хлебороба Терентия Мальцева, у его молотки и поля, которое носит его имя, и на опытной станции, где он работал.

Беглое вроде бы прикосновение, но даже самые малые факты и впечатления прочно ложатся в мозаику размышлений о непростой судьбе русской земли и в самом широком смысле воздымающих её людей, которые в единстве с нею по-прежнему образуют Землю Русскую. Ещё одним дополнением к этой мозаике стало затем посещение Далматовского Успенского монастыря.

Конференция, состоявшаяся на следующий день в Шадринском государственном пединституте, продолжила эти размышления. О проблемах и перспективах развития патриотической литературы участники говорили не только друг с другом, но и с заполнившим зал студентами, педагогами и библиотекарями. Услышать гостей в Шадринск приехали делегации из пяти районов Курганской области. Понятно, что речь шла не

В КРАЮ СИБИРСКОГО ХЛЕБА

только о книгах, но и о том большом мире, взаимодействии с которым чаще всего и высекает творческую искру. Открывая обсуждение, советник губернатора Курганской области по патриотическому воспитанию, генерал-майор в отставке и член СПР Владимир Усма-

ренесли своё внимание современные отечественные писатели, и возвращение из забвения истории Первой мировой войны, которую в своё время тоже пытались именовать Отечественной, не умаляют значимость событий 1941-1945 годов, но как бы размыывают её.

Популярность акции "Бессмертный полк" показывает, что эта память востребована. И всё-таки разрушение послевоенного, установленного встречами в Тегеране, Ялте и Потсдаме мира, изменение геополитической координат

ной сетки неизбежно проверяют на прочность весь комплекс прежних представлений о войне и победе. Новая молодежь считает естественной смещённую систему координат или как минимум задаёт новые вопросы, которые прежде по тем или иным причинам не звучали и не имеют общепринятого ответа.

Отсюда – необходимость не только сберечь созданное прежде и напомнить о том, что ранее казалось бесспорным, но и формулировать новые ответы. Открытыми, кроме того, остаются и многие вопросы о сегодняшнем состоянии Отечества, что отнюдь не позволяло безоглядно любить все его черты.

Об этой неоднозначности напомнил слушателям и профессор Уральского федерального университета, член Союза российских писателей Леонид Быков. Считая, что патриотическая тема должна сочетаться не только с войной, но и с жизнью, он высказал сожаление, что одним из главных мировых достижений России по-прежнему остаётся автомат Калашникова. И в то же время, по мнению известного литературного критика, в

Зеленин привёз в Шадринск замечательную прозаическую книгу "И снова про войну".

И всё-таки, отметил докладчик, новых значимых во всероссийском масштабе литературных произведений о Великой Отечественной войне 70-летие Победы в ней не принесло – ни в столицах, ни в регионах. Практически перестали обращаться к этой теме молодые авторы. Целый ряд "новых" войн, на которые пе-

реднесли своё внимание современные отечественные писатели, и возвращение из забвения истории Первой мировой войны, которую в своё время тоже пытались именовать Отечественной, не умаляют значимость событий 1941-1945 годов, но как бы размыывают её.

Популярность акции "Бессмертный полк" показывает, что эта память востребована. И всё-таки разрушение послевоенного, установленного встречами в Тегеране, Ялте и Потсдаме мира, изменение геополитической координатной сетки неизбежно проверяют на прочность весь комплекс прежних представлений о войне и победе. Новая молодежь считает естественной смещённую систему координат или как минимум задаёт новые вопросы, которые прежде по тем или иным причинам не звучали и не имеют общепринятого ответа.

Отсюда – необходимость не только сберечь созданное прежде и напомнить о том, что ранее казалось бесспорным, но и формулировать новые ответы. Открытыми, кроме того, остаются и многие вопросы о сегодняшнем состоянии Отечества, что отнюдь не позволяло безоглядно любить все его черты.

Об этой неоднозначности напомнил слушателям и профессор Уральского федерального университета, член Союза российских писателей Леонид Быков. Считая, что патриотическая тема должна сочетаться не только с войной, но и с жизнью, он высказал сожаление, что одним из главных мировых достижений России по-прежнему остаётся автомат Калашникова. И в то же время, по мнению известного литературного критика, в

это не поучения, а оглядывание на собственную жизнь, анализ собственных поступков, собственного пройденного пути.

ЖИЗНЬ ЖУРНАЛОВ

возможность окупиться в мир, который как бы мог существовать в далёком небывалом прошлом, но реалии его так близки миру теперешнему. Произведение написано в жанре ретро-фантазии – изычно и с глубоким философским смыслом.

Протоиерей Евгений Юшков (читатель "Вертикали" сразу обратил своё доброежелательное внимание на заметки священника "Лампада моя тлеет..." опубликованные в предыдущих номерах) передал в редакцию рукопись своей новой книги "Последняя тетрадь". Первые её главы мы печатаем в этом номере. Спокойно, доброжелательно и по-житейски мудро размышляет 76-летний батюшка о важнейших вопросах, с которыми обращаются к нему прихожане. И

рядом этих достижений бесспорно остаётся русская литература, которая не нуждается ни в каком импортозамещении.

С точки зрения прозаика Сергея Трахмиёнка, детективы которого хорошо известны и расходятся в Белоруссии, заминтования и распространения в культуре достойно только то, что выгодно для выживания нашей цивилизации. Не определившись в этой сфере, государство, кроме всего прочего, не может сформулировать внятный заказ. Система же коммерческого книгопроизводства целенаправленно распространяет "сумасшествие" – как минимум в сфере массовой детективной литературы.

Не создавать образ врага, но беречь собственные основы призвала поэт, критик и культуролог Нина Ягодичева. По её мнению, попытки найти в мирное время "новую правду" о войне, если они связаны с противопоставлением отдельной личности и народа, противоречат истине. Правда отдельного человека неполна, и только общая правда делает нас народом.

О различных сторонах патриотизма, в которых можно увидеть возможные направления творческого поиска, и о повседневной работе писателей говорили Анатолий Омельчук из Тюмени, Валентина Фрофеева-Тверская из Омска, Салим Фатыхов из Челябинска, Сергей Козлов из Ханты-Мансийска, вятчанин Ольга Юрлова, шадринец Валерий Иванович, оренбуржец Пётр Краснов и нынешний патриарх писателей Зауралья, один из первых лауреатов премии имени Мамин-Сибиряка Виктор Потанин. А вечером того же дня на церемонии в Шадринском драматическом театре стали известны новые лауреаты премии.

За уже упомянутую книгу "И снова про войну" премии удостоен пермяк Андрей Зеленин, за повесть, продолжившую лучшие традиции произведений о Великой Отечественной войне – мичман Сергей Трахмиёнок. Повести и рассказы, "исповедающие традиционные ценности российской деревни", принесли премию Николаю Ольхову из Тюменской области, книга стихотворений "На пути к Богу", "продолжающая лучшие традиции русской православной литературы" – протоиерей Алексеем Зайцеву из Челябинска. За военно-патристическую публицистику премией отмечен Владимир Усманов. За значительный вклад в развитие многонациональной литературы Ямала премией награждена Нина Парфёнова из Салехарда, в литературоведении Западной Сибири – Михаил Рябий из Ханты-Мансийска, вклад в дело пропаганды российской словесности и за литературное подвижничество – доцент Сургутского государственного университета Николай Ганущак.

Андрей КЛИМОВ

"Москва". В преддверии этих знаменательных дат "Вертикаль. XXI век" предлагает читателям литературоведческое эссе Анатолия Абрашкина и Галины Макаровой "Мастер и Маргарита": детективная линия и прототипы". Абрашкин и Макарова первыми высветили детективную линию произведения и подробно рассмотрели его масонские мотивы. В этом смысле их вклад в исследование затангова буглаковского романа бесспорно. Для писателей и людей, причастных к литературному процессу, это, может быть, самая интригующая часть исследования.

С позицией авторов можно спорить. Но не признавать интеллектуальной наполненности книги невозможно.

Традиционно о жизни Нижегородской областной писательской организации подробно рассказано в рубриках "Наша хроника".

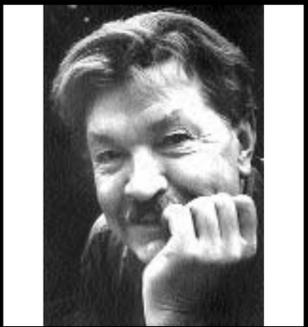
Валерий СДОБНЯКОВ,
главный редактор

НА БЛАЖЕННУЮ КОНЧИНУ

русского поэта
Валентина Устинова

Весть о безвременной кончине большого русского поэта Валентина Устинова облетела сегодня всю Россию. Покинула душа Валентина Алексеевича земные просторы, улетела в мир Горний.

Многогранный талант и высокое мастерство Валентина Устинова снискали ему профессиональное признание и известность, которые по достоинству были отмечены читателями России. Его знали как необычайно одарённого, искреннего, преданного своему делу, тонко чувствующего, цельного, скромного и совестливого человека.

Высоко и художественно тонко звучит поэзия Валентина Устинова. Сказочными кажутся его стихи и поэмы, как в русских народных песнях и былинах. Читая их, душа расслаивается свистом вешней живой воды и вздыхает от избытка чувств. Пронзительно в поэмах шестелет заросли острой осоки, пророчат провалы не принятых лоном земли...

Заглядывая вперёд, Валентин Устинов писал как бы о своём сегодняшнем дне:

*А он смотрел, как в мировой пыли
земные листья так узор плели,
как будто были
звёздным негативом.*

Как будто бы
в них мысль заключена –
монада мировой души и жизни...

Очень точно и верно написала о нём критик Ирина Шевелёва: "И будет время, когда назовут его великим". Действительно Валентин Устинов титан лиро-эпической поэзии огромного размаха, сравнимый с русскими классиками.

Мы знали и любили Валентина Алексеевича, многому учились у него.

Сопереживая всем родным и близким души новопреставленного раба Божия Валентина в обителях небесных, "где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, но жизнь бесконечная".

Писатели России

ТАМБОВСКОМУ СПР – 55 ЛЕТ

Тамбовская писательская организация – это сочетание литературных традиций и развитие новых литературных форм. На Тамбовщине ежегодно проходят книжные фестивали и праздники, среди которых самым масштабным и ярким является областной "Фестиваль книги и чтения", организованный при поддержке Управления по культуре Тамбовской области, администраций городов и районов, тамбовской областной библиотеки имени А.С. Пушкина и тамбовской областной детской библиотеки. Ежегодно в рамках Фестиваля проходит около 30 литературных встреч, в которых принимают участие более 2000 читателей. Каждую осень желанными гостями Тамбовской земли становятся участники литературного праздника "Богдановские чтения" памяти тамбовского поэта Вячеслава Богданова.

Материалы полосы подготовлены пресс-центром СПР

ПОЛЕМИКА

**ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
"ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ"
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ
"ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ..."
ИНДЕКС: 26260.
НАШ САЙТ: denlit.ru**

Когда нация, точно объятая иступлением, выставляет стороннему взору исключительно симптомы своей агонии, то философу надо провести ясную диагностику, четко разграничить две физиологические тенденции: или умирает весь народ, и настал момент подумать, кто займёт

Самое крупное западноевропейское государство, Франция, гибнет, не только как очередная республика, но как нация, Анатолий ЛИВРИ

его место, или же прогнали лишь рамки политической системы, а следовательно, возможно ещё спасти от всеобщей гангрены общество, осуществив своевременную ампутацию "элит" — революцию, благотворную только если она национальна, а не навязана извне.

чина" и "женщина", — Россия же, утвердившая благой закон о прекращении пропаганды половых извращений в школах, со смаком расписывается субсидируемые СМИ как "нацистский ад на Земле". Другими словами, демократические шарлатаны добились лекарского места не для реанимации Франции, но чтобы окон-

Смертельный диагноз

упорно, в течение столетий создавая её монархиями: прогрессирующий остеопороз этнически-религиозного скелета Франции вызвал хроническую, давно набившую оскомину коррупцию власти, лишившую страну границ, армии и валюты. Воспоследовавшее "бегство мозгов и массивная иммиграция желудков" породила повальную нищету — социальные страдания, с коими уже не справиться од-

нательно размыть психические границы народа: смертельная для этноса патология была перекалифицирована в одну из форм здоровья, а призыв к человеческой норме объявлен уголовным преступлением, ересью, нещадно караемой республиканскими инквизиторами, обычно снисходительными к своим идейным собратьям — бандитам, готовящимся стать террористами.

ной анестезией: чудовищной задолженностью и распродажей национального достояния ради выплаты процентов арабским кредиторам. Пациентке Франции помимо хирурга и эндокринолога срочно необходим психиатр! И раздвоенные личности уже не скрыть высокотехничным фыркянем свихнувшейся старухи-Марианны. Тотальная безграмотность населения, пестуемая позорным невежеством университетских профессоров Франции, доселе помогала хоть сколь-нибудь закамуфлировать шизофрению нации: каждый четвёртый француз не в силах объяснить прочитанной газетной фразы; каждый третий профессор французского университета не располагает минимальной общей культурой для адекватного восприятия простейшего текста. Однако, недавние законы об однополых "браках" выявили ту психическую несостоятельность, к которой французам усердно готовили с мая 1968-го года: экстремистские союзы извращенцев Франции, существующие на деньги налогоплательщиков, призывают доносить в полицию на сограждан, осмеливающихся использовать не только печатно, но и в частных беседах выражения "нормальная семья", "нормальная половая ориентация", — ведь для подобных "преступников" во Франции предусмотрено тюремное заключение, а гигантские подразделения служб порядка специализируются не на террористах (этих идейных наследниках парижского путча 1789 года), а исключительно на преследовании инкомислящих; лобби извращенцев диктуют условия политикам, вынужденным обещать, что такая бы партия ни пришла к власти после президентских выборов 2017 г., закон об однополых "браках" не будет отменён, а содомиты с трибадами получат-таки право усыновлять детей; члены правительства усердно рекламируют образовательные программы, дрессирующие французцев, с ясельного возраста, подчиняться новой вере, утверждающей относительность понятий "муж-

Пятая французская республика — агонизирующая шизофреничка, не подпускающая к себе врачей, способных спасти её благодаря своей профессиональной жесткости с пациенткой. А терапия эта требует срочных мер: выхода Франции из ЕС (что развалит бюрократического монстра, одновременно излечив весь континент); пересмотра давно устаревшей "Конвенции о статусе беженцев" 1951 г.; лишения французского гражданства всех получивших его с 1962 г. и высылки их из страны (как этнических европейцев изгнали из североафриканских департаментов Франции, созданных шестью поколениями их предков); установления столь высокого государственного жалования (а не пособия!) французенкам за рождение и детей, дабы между карьерой матери и инженеря, адвоката, журналиста, профессора... большинство гражданок Франции выбрали первое: восстановления смертной казни, в том числе за государственную измену, а также организации "Нюрнбергского процесса бис" для суда над политиками, уничтожившими "либийский замок", записавший Африку до убийства Муаммара Каддафи, и тем оберегавший Европу от беззастенчивой демографической агрессии, — вот лишь несколько спасительных хирургических вмешательств, которые, естественно, Франция не готова принять психически.

Именно потому кровавое представление на парижской сцене застарелой гражданской войны смертниками (кстати, давно известными спецслужбам, но... арестовывать "новых изобретателей" — так демократия, в который раз, принимает на свою вялую грудь преступников против человечности) абсолютно не меняет прогноза болезни: нация, некогда задававшая тон всему миру, продолжит умирать в муках и нужде, хуже — презираемая юными дикарскими этносами, уважающими лишь насилие, ибо исполненными неистребимой воли к жизни.

Базель, Швейцария

Ни одна патристическая дискуссия не обходится без темы еврейского застоя. С равным жаром еврейство обвиняется то в борьбе с христианством, то в борьбе с истинным коммунизмом, который извратили всякие там бронштейны-апельбаумы.

Совсем свежая справка попала недавно в сети по поводу национального состава нынешнего украинского руководства. Кто бы сомневался, Президент — еврей (Вальцман), Турчинов — еврей (Коган), премьер — еврей (Байкай), министр финансов — еврей (Шлапак), Парубий — еврей, вице-премьер — еврей (Гройсман)...

Недалеко от официальной власти в Киеве ушла

нических евреев, которые мановением мизинца могут перекаивать империи и континенты.

В действительности евреи — никакие не демоны. Никаких особых секретов владения миром у них нет. А что же тогда есть? А есть необыкновенная мобильность и почти фантастическая отзывчивость на внешние раздражители. Чуть только где запахло жареным, чуть только где затевается революция, переворот или другая подобная заварушка, евреи появляются, как черти из табакерки. Появляются потому, что прекрасно понимают: там, где революции и заварушки, там всегда начинается передел собственности, там всегда пахнет властью и лёгкими деньгами.

В сочетании с национальной солидарностью евреев в конечном итоге и получается, что они всегда на острие и всегда в гуще перемен. Когда другие раздумывают и маются сомнениями, евреи действуют.

Писатель Владимир Солоухин рассказывал в своём романе "Последняя ступень": "О том, как поощрялся процесс внедрения и заполнения, мне рассказывал некто по фамилии Богорад. Когда я пришёл работать в "Огонёк" в 1951 году, там дорабатывали ещё до пенсии остатки прежних, со времён Евгения Петрова (то есть с тех времён, когда Евгений Петров был редактором "Огонька") кадров вроде Ступеникера, Фанштейна и этого Богорада. Богорад то мне и рассказал, как начиналась его журналистская карьера. Он приехал в Москву по известной нам схеме и сразу пошёл в газету, сейчас уж, право, не помню, в какую, "Гудок" или "Труд", где и заявил, что он хочет работать в газете. Этого было достаточно, чтобы его зачислили в штат. Но так как он ничего тогда не умел, ему поручили ежедневно писать сводку погоды. Четыре строчки. Этим он занимался несколько месяцев, пока не побёртёлся, не поднаторел и не стал выходить на полосу с маленькими хроникальными заметками. Положим, он многого не достиг ввиду полной своей бездарности и окончил трудовой путь заведующим отделом писем в "Огоньке". Но всё же проскрипел же всю жизнь заведующим отделом одного из главных журналов".

Повременим пока с гневом насчёт ловкача Богорада и рассмотрим ситуацию под несколько иным углом. Что было бы, если бы в Москву ринулся некий русский Иванов и пошёл бы к другому русскому, который имел все возможности устройства его в центральное печатное издание? Попросту не взяли бы на работу этого Иванова. Сказал бы ему некий Петров: — А едь-ка ты, ванька-папюточник, туда, откуда приехал! Копайся в навозе и дальше.

Богорада же, хоть и нарочито лишённого всяких способностей, его начального соплеменник, ничем ничуть не смущаясь, тут же взял на работу. Хоть прогноз погоды, да в "Огоньке"!

Разница очевидна. Причём, не просто очевидна, а буквально кричаша. Совсем недалёкий пример с министром печати Мироновым. Русский министр у власти. Масса возможностей для выделения грантов русским изданиям, для трудоустройства десятков и сотен русских людей с правильной жизненной позицией.

Вместо этого, практически без разминки, следует парочка публичных демаршей с воинственными интервью и вполне предсказуемая отставка. В итоге ни одному русскому от министерского портфеля Миронова ни жарко, ни холодно не стало. И там, где за одним евреем уже стояла бы стена из нужных людей, русский человек оставил пустоту. Тем самым освободив министерское кресло всё тем же евреям.

Сверхмобильный Богорад решительно поехал в Москву, зная, что в любом случае не бросят. Моги в аналогичной ситуации в Москву поехать русский человек? Нет. Если ни верите, попробуйте сейчас, имея русское имя и русскую внешность, попроситься хоть на должность третьего помощника второго курьера в какую-нибудь реально денежную фирму.

Вот и вся мудрёная философия якобы еврейской всевидности и влияния. Мобильность и национальная спайка.

Нет никакого противоречия и в том, когда еврейские фамилии начинают всплывать то возле Гитлера (который, кстати, сам классическая полукровка), то возле иных нацистских лидеров. Евреи, остро чувствующие деньги и те ситуации, где можно конкретно заработать, как правило, не заморачиваются с идеологиями.

Вот и помогают поклонникам Бандеры и Шухе-

вича, впрямую финансируя откровенно антиеврейские организации, и Коломойский, и многие другие его соплеменники. Помогают, потому что знают: на войне они всегда заработают.

Илья Гринберг ("Марком"), выдвигавший украинской армии минимум 10 млн. гривен на войну, прекрасно понимает, что каждая копейка рано или поздно вернётся ему с процентами. Полагая, что от США ему так или иначе зачтётся за преданность в борьбе с Россией.

Андрей КАНОВЩИКОВ

Ничего личного, никакого демонизма и запаха серы, сплошная бизнес. И сплошная логика.

При этом очевидным фактом является и то, что при стабильности власти, при отсутствии ставки на революцию или иное социальное потрясение, евреи властью интересуются в гораздо меньшей степени. Всё по тем же пресловутым проценткам выходит, что при 80-90 процентах евреев в правительстве России и Украины соседняя с ними Белоруссия даёт аналогичный показатель не более 25 процентов. То есть вполне не демоническую цифру.

Какой изюм всего этого следует вывод? Да просто, если вы хотите порядка в своём доме, то нужно любить своих родных и близких, заботиться о них, добиваться, чтобы им с вами было хорошо, а не будоражить себя лирикой раз историями о том, что сосед с верхнего этажа "опять пьёт" или что сосед лезет "снова в тюрьму угорди".

Конечно же, это нехорошо, что кто-то пьёт или попадает в тюрьму, но, прежде всего, следует обеспечивать гармонию и порядок у себя любимого, вокруг себя, а уже потом предаваться вселенской печали. Алгоритм действий очень хорошо прописал Владимир Буковский:

— Почему именно я? — спрашивает себя каждый в толпе. — Я один ничего не сделаю. И все они пропали!

— Если не я, то кто? — спрашивает себя человек, прижатый к стенке. И спасает всех".

Поэтому в умозрительном разговоре о демонических евреях меня больше всего тревожат не они. Скажу даже, что это было бы удивительным, если бы евреи не попытались оседлать революцию 1917 года.

Было бы странно, если бы тот же Троцкий не начал рано или поздно создавать конгломерат из русских, Свердлов — раскалывать, а Каганович — взрывать храм Христа Спасителя. Местечковые обиды зывали бы от мшеницу, как у Баргичева в поэме "Февраль". Ничего в подобных действиях нет ни демонического, ни глобального.

Они, эти действия, способны доказать лишь уже названные мобильность и национальную спайку, ничего больше.

Часто даже создаётся впечатление, что сами евреи, если не склонны преувеличивать собственное влияние на мировые процессы, то, по крайней мере, это преувеличенное влияние весьма греет им душу. Совсем не праздный вопрос: разрешили бы кому-то другому, кроме как Александру Исаевичу Солженицыну, издать исследование "200 лет вместе" на почти тысяче страниц?

Издать вполне легально и массово. Не за собственные деньги и тиражом не 50-100 экземпляров на газетной бумаге. Издать и не сесть тут же в тюрьму "за разжигание и возбуждение". А Исаевич издал. И даже в прокуратуру ни разу не сходил. Видимо, сама по себе правда, поданная под демоническим углом, не слишком страшна героям его повествования. Создавая лишнюю рекламу и имидж некоего коллективного Волян-де-Морта из детской страшилки про Гарри Поттера.

Тогда как русским людям нужно думать о русских. Почему? Да просто потому, что они русские. Всё равно ведь ни евреев, ни любую другую нацию мы не изменим и не заставим быть себе подобными. Как говаривал Юрий Энтин в песенке Дуремара:

О птичках поёт птицелов,
О рыбах поёт рыболов,
А я пляскаю по...

Пусть себе и поют. Как мы не можем изменить их, так они не могут изменить нас. Пока мы сами не захотим меняться, смирившись с тем, что, дескать, всё уже решил за нас некий золотой миллиард.

Главное, чтобы в собственном доме погода была хорошей и в головах не паника и хаос, а хотя бы трезвое спокойствие. А о евреях пусть Израиль думает.

Рассуждая о судьбе журнального дела в России, критик Наталья Иванова заметила, что журналами в последнее время утрачена острота, дискуссионность.

"Возникает ощущение, что журналы — из-за боязни новой гражданской войны" в литературе — боятся потерять то и тех, кто и кто у них ещё остался. Не вступают в полемику, каждый окопался на своей территории. Но если переключить связи (в том числе полемические) сходят на нет, то журнал капсулируется — теряет "воздух", кислород, которым служит для него и общество, и литература вокруг, и, безусловно, другие журналы" (журнал "Знамя", №9, 2015).

Я бы только добавил, что журналы теряют ещё и возможность найти общие подходы к проблемам развития общества, теряют надежду найти "общие смыслы" для оценки общественных явлений. Более того, среди "своих" авторы статей перестают стесняться нелогичности суждений, бездоказательности. "Окопавшись на своей территории", каждый из "окопов" бормочет что-то "своё"... И всё чаще это бормотание лишено не только общественного значения, но и здравого смысла.

Например, читая журнал "Знамя", вы будете потрясены, ознакомившись с некоторыми публикациями. В них сочетают не сочетаемое, утверждают не доказанное, говорят в одном контексте прямо противоположные вещи! В седьмом номере за 2015 год выступает журналист США, биолог и математик Григорий Никифорович. Его статья называется: "Фридрих Горенштейн: слон, не полавший в историю" (для справки: Фридрих Горенштейн (1932-2002гг.). Автор романов и повестей, киносценариев фильмов "Солярис" и "Раба любви").

Читаем выдержки из статьи Григория Никифоровича.

"Андрей Тарковский, прочитав роман "Псалом", восторженно записал в дневнике: "он-генный". Борис Захаров. "Многие просто не читали его и только теперь начинают догадываться, что проморгали крупнейшего русского писателя последних десятилетий".

Всем советским писателям, по мнению автора статьи, приходилось жить в "состоянии постоянной раздвоенности". Но чтобы внести свою лепту в литературу, надо было "сознательно исказить своё видение окружающей действительности до такой степени, чтобы соответствовать стандартам литературного механизма, олицетворяемого как раз в Союзе советских писателей (каков стиль и каков смысл?! — В.С.) Надо было отказаться от свободы творчества, и, стало быть, самого творчества — нельзя слышать подлинный голос Бога, если заранее пропускать его через звуковые фильтры".

Но у Горенштейна с прослушкой "подлинного голоса Бога", по мнению автора статьи, было всё в порядке. "...Изначальное неверие в справедливость устройства мира, сомнение в неизбежности победы добра над злом, мудрость и печаль — вот основные компоненты трагической прозы Горенштейна".

Ну и какой "Бог" мог проповедовать подобные истины?

Ни в Ветхом, ни в Новом завете мы не читали ни одного Божественного откровения, которое бы хоть отдалённо напоминало то, что утверждает Горенштейн! Более того, его взгляды прямо противоречат божественным установлениям, начиная с ветхозаветной истории об Иове. Они бросают вызов всем мировым силам добра. Здесь мы слышим совсем другой "голос", который прямо

Валерий СКРИПКО

противопоставил себя Богу, отверг его заповеди, а гордыней своей превзошёл самого Князя Тьмы.

Григорий Никифорович далее пишет: "Пример же Фридриха Горенштейна, наоборот, раздражал, поскольку показывал, что всё-таки можно быть большим писателем, продолжателем великой русской классической литературы и при этом не соглашаться на сделку с сатаной ради пожизненной ренты членства в ССП".

Из того, что Горенштейн "проповедовал" в своих произведениях (о чём сказано выше), ясно видно, что он служил высшим тёмным силам без всяких сделок, добровольно и с большой охотой.

Как-то даже Виктор Ерофеев обвинил Горенштейна в антигуманизме, в чуть ли не в патологическом отращивании к людям, в "брезгливом чувстве к жизни". Но, приводя эту оценку, автор статьи Никифорович в любой ситуации хочет оправдать писателя, заявленного в качестве гения. В "окопе" либерального журнала "своих" окопников не обижает, несмотря на любые нелепости, которые они допускают. Тот же Ерофеев высказался в статье, что "мы были всегда в русской литературе эдакими революционерами, которым был нужен хороший человек для того, чтобы реализовать революционность, которая заложена в наших генах и нашей морали. Фридрих всё совсем другую линию".

Всё это похоже на записки из сумасшедшего дома. "Хороший человек", оказывается, нужен для какой-то мифической "революционности", которая самими либералами всегда проклалилась как торжество зла. А для остальных членов общества — хороший человек не нужен?

Всем обществу надо строить какое-то государство, для этого надо готовить специалистов, рабочих, строителей с положительными человеческими качествами. Это жизненно необходимо. Но все забыли спросить "свободного человека-писателя Горенштейна: как он смотрит на это мероприятие? Им всем надо, а ему может, и не надо. Его, может, тошнит, от этих агиток и нравочений".

"Он просто писатель, который хотел понять человеческую природу" — утверждает Ерофеев. Для чего понять? Чтобы поставить на ней крест! Разочароваться в жизни вообще? Бормотание из "окопов" журнала "Знамя" продолжается: оказывается, Горенштейн: "...просто сопротивляется огромному количеству установок, которые мы приняли ещё в школе, или приняли просто с нашим образованием, с нашей верой в нашу литературную традицию. Мы приняли и верили, что это так и должно быть. Фридрих всё это развернул".

Бороманце из окопов

Как видно из изложения содержания некоторых произведений Горенштейна, он "развернул человека" в сторону изучения в нём бездны зла. Якобы, чтобы понять его лучше.

Но такой метод знакомства больше подходит для животных, которые знакомясь, обнюхивают нового знакомого, прежде всего зади, в самых дурно пахнущих местах. Животным, например, собакам, этот метод даёт много полезной информации.

Но он неприемлим к человеку. Любой из нас заранее знает, что в его новом знакомом, как правило, таится множество тёмных страстей, которые могут выйти на волю. Одно слово, один неосторожный шаг — и ты будешь иметь дело с совсем другим существом.

В одном человеке могут сочетаться прямо противоположные свойства: зная, что человек и хамство выскочки, способность к нежной любви и донос у "органы", сочувствие угнетённым и махровая ксенофобия". Таковы по своим "свойствам" многие герои произведений Горенштейна.

Но тут ничего нового нет. Об этом на одну тысячу лет говорят мудрецы, начиная с Платона. Главное, какие выводы следуют из всего этого. Как научиться ладить с такими натурами, сотрудничать и даже дружить? Такое противоречие не так фатально, как думает писатель Горенштейн с его "патологическим отращиванием к людям". Но ему не дано понять, что добро в большинстве людей гораздо больше. Надо только найти в человеке это человеческое, доброе! Добраться до светлого островка души, узнать, что он любит и ценит. И разделить с ним — эту любовь.

Но если ты, при знакомстве, тут же натычешь человека носом в его дерьмо: то есть раскроешь для общего обозрения его плохие привычки и его дурной характер, ты получишь зверя, который постарается тебя уничтожить!

Но мудрецы говорят не для гордецов. Святые отцы считали гордыню — причиной и источником всех других смертных грехов. Только гордый человек, индивидуалист, как правило, интеллигент либерального толка — вовсе не желает приспосабливаться к сложной натуре чужого ему человека, к массе "простого народа".

Но именно поэтому он боится её и старается остальных интеллектуалов своего "окопа" предупредить о грозящей опасности. В этом либеральном "окопе" любят делиться общими страхами перед народом. Автор статьи вместе с Горенштейном предупреждает: "объединившись в разгневанную толпу, эти люди (то есть герои книг Горенштейна — по сути, весь наличный российский менталитет за исключением

интеллигенции западного толка) не побрезгут ни насильем, ни самочинными погромами, ни даже убийствами. Такая толпа не станет прислушиваться к интеллигентам, проповедующим разумное, доброе, вечное — как бы не верили шестидесятилетия в подспудно существующие в народе высокие идеалы добра и справедливости".

Гениальность Горенштейна автор статьи, очевидно, видит в том, что писатель решил этих противоречивых людей, способных на погромы, устыдить, показав их без прикрас, во всех их мерзостях и ужасной ксенофобии. На самом деле такая "художественный приём" — признак растерянности и страха перед чужой ему духовной стихией!

Скажите, когда, какой человек становится лучше от беспощадной, а главное, злой, критики? Тем более с русским менталитетом? Когда, какого человека можно было "исправить" яростью и гневом, унижением и осмеянием? Гордец, задрав нос от гордыни и презрительно глядя на окружающих, даже в самом смиренном по натуре человеке может "пробудить" разбойника.

Горенштейну не стоило на этот счёт обольщаться чудодейственной силой своего метода обличения и обвинений! Да "Фридрих всё это развернул", доказал маленькому российскому человеку, что он маленький-маленький. А что с ним дальше делать, чему его учить? — не сказал. Писатель осудил своего коллегу Александра Солженицына за "приспособление либерализма для служб шовинизма, народопоклонства и крестьянской аристократизм".

Другие писатели находили в "маленьких лю-

дях" настоящих героев России, строителей, первооткрывателей — духовно красивых людей. А в книгах Горенштейна все "герои были маленькими людьми — прораб, нищенка, студент-недоучка (а какой ещё студент может у него быть в "героях" его книг? Только недоучка), администратор захудалого театра (именно захудалого), деревенский кузнец, шестнадцатилетняя школьница — но одномерных среди них не было".

Внимания Горенштейна не удостоились многие культурные достижения нашей страны. Он не заметил появления нового типа людей: тысяч молодых учёных академикородков, строителей и геологов. Большинство их жизненных поступков, их духовных порывов в то время были отмечены коллективной солидарностью, сознательностью в выполнении своего долга, романтикой и вдохновением. Какое счастье, что Союз советских писателей не послал Горенштейна в новые сибирские города с заданием "познать человеческую природу" советских людей. Уж он бы сполна раскрыл всю мерзость их подлинной "второй натуры". Не важно, что такой гражданин отдал лучшие годы служению обществу. Писатель Горенштейн этому бы не поверил. Уж он бы докопался до какого-нибудь тайного "греха" совершенного самым заслуженным передовиком производства, и этот "грех" вдохновенно бы описал! Но вот беда! От этих "страхов" больше всего страдал он сам, так как (из-за них) утратил естественный оптимистический взгляд на мир и на людей!

Ему — индивидуалисту и себялюбю, в самом доброжелательном человеке — всегда чудилась тайная страсть к погромам и саюдсам! Вопрос: какому обществу нежен такой — "продолжатель русской классической литературы"? Только очередному либеральному "окопу", где каждый бормочет о своём, "сокровенном". Иногда из-за океана какой-нибудь бывший диссидент или эмигрант сбросит в этот "окоп" очередной пасквиль на Россию, и все в "окопе" рады, все собираются из "блиндажей" и закутков, и выкрикивают угрозы в сторону "маленьких людей" (то есть народа). Уж мы вас разоблачим! Вы ещё раскаетесь". Горенштейн оказался прав. Как он и предсказывал, современная Россия не пошла по пути, предлагаемая либеральной интеллигенцией. И причина этому не в во внешних обстоятельствах, а во внутренних — в вшилости маленького человека, внезапно появившегося из советских в постсоветские".

Как мы все будем выбирать из своих "окопов"? Непонятно. А ведь надо! Россия при таком духовном разделении не может двигаться вперёд и развиваться как процветающая страна! Но для этого надо каждому творческому человеку надо сказать самому себе: оставь гордыню!

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ "ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ" ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ "ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ..." ИНДЕКС: 26260. ИНТЕРНЕТ: denlit.ru

МИР ПИСАТЕЛЯ

За всю свою тысячелетнюю историю Россия пережила около двухсот больших и малых войн, из которых несколько назывались "нашествиями". Татаро-монгольское нашествие и последующее полутаравское ио. Нашествие Мамая с его разноплеменным полчищем и Куликовская битва.

Польско-шведско-литовское нашествие начала XVII века, отражённое ополчением Минина и Пожарского. Нашествие наполеоновской армии двенадцатых языков. Нашествие Антанты в эпоху гражданской войны. И, наконец, Великая Отечественная война 1941-1945 годов.

ных воинов". А 7 ноября 1941 года Сталин, выступая перед участниками парада на Красной площади, добавил к именам Александра Невского и Дмитрия Донского имена Суворова, Кутузова, Минина и Пожарского и поставил их всех "под знамя великого Ленина", поскольку понимал, что для победы над таким могучим врагом необходимо единство "русского" и "советского". Война властно сблизила церковь с высшей государственной элитой, обнажила для власти и для писателей православную сущность русского престонодаря, не подчинившуюся идеологии государственного атеизма, насаждаемого до середины 30-х годов Емельяном Ярославским (Минеем Губельманом) и его опрочи-

Вставай, страна огромная, Вставай на смертный бой С фашисткой силой тёмною, С проклятою ордой. Пусть ярость благородная Вскипает, как волна, — Идёт война народная, Священная война!

Час мужества пробил на наших часах, И мужество нас не покинет. Не страшно под пулями мертвыми лечь, Не горько остаться без крова, — И мы сохраним тебя, русская речь, Великое русское слово. Свободным и чистым тебя пронесём И внукам дадим, и от плена спасём Навеки!

Великая поэзия Великой войны

"Нашествиями" народ называл те войны, в которых против России объединялось несколько государств и народов. Поэтому отражение подобных нашествий требовало от народа и власти предельного или даже беспредельного напряжения всех духовных, военных, государственных и экономических сил. Ни в одном европейском языке применительно к понятию "война" нет слова "нашествие". Оно живёт, к сожалению, только в русской речи. Поэтому от русской литературы, от её поэтов, прозаиков, публицистов, авторов песен требовалась предельное идеологическое и духовное обеспечение этой борьбы за "свободу и независимость нашей Родины", и древнеримское изречение: "когда гремит оружие, музы молчат", — ни в коем случае не относится к истории нашего Отечества. Нет худя без добра, — эпохи нашествий обогащали нашу литературу.

Станислав КУНЯЕВ

"Вставай, страна огромная!.."

каж", о том, что "по дорогам знакомым за любимым наркомом мы коней боевых поведем", но эта отрыжка гражданской войны уходила в прошлое. Руководство страны уже понимало, что будущая война — это война моторов, и поэтому песня "Три танкиста, три весёлых друга — экипаж машины боевой" стала главной песней предвоенных лет, как и песня на слова Юрия Германа "Всё выше, и выше, и выше стремим мы полёт наших птиц, и в каждом пропеллере дышит спокойствие наших границ".

И тем не менее, 22 июня грянуло, как гром среди ясного неба.

Есть две точки зрения на то, почему первые месяцы войны стали катастрофическими для нас. Одна из них гласит, что руководство страны во главе со Сталиным растерялось, выпустило вожжи из рук, проморгало дату начала войны, что оно к 1941 году сумело мобилизовать лишь 5 миллионов солдат и офицеров против 8 миллионов, стоявших под знамёнами Рейха.

Другую точку зрения изложил Георгий Жуков в 1972 году: "Германия по всем статьям тогда была лучше готова к войне, чем мы. Мы в академиях военных учились у Клаузевица, Мольтке, Шлиффена. Прусский офицер — это целая каста, немецкий солдат покорила Европу. Немецкая техника была лучше нашей. Мы весной 1941 года только запустили в производство танк Т-34, штурмовик Ил-52, реактивный миномёт "катюша". Мы войной обучались. Но, — добавил Жуков, — мы победили потому, что у нас был храбрый, патристический молодой солдат, политически обученный, душевно подготовленный сражаться за Родину". К этим словам Жукова можно добавить ещё то, что этот солдат был подготовлен к войне советской школой, советской историей, советским кино, советской поэзией, советской песней.

Идею расового превосходства арийцев над "славянами" и другими народами СССР можно было победить только другой, понятной для всего народа идеей Родины-матери, идеей исторического и социалистического братства народов СССР, идеей православной христианской общности. И недаром 22 июня сразу после речи Молотова по согласованию с бывшим семинаристом и поэтом Иосифом Сталиным с прониженным словом к народу выступил патриархий местоблюститель Сергей. "Поэторяются, — сказал он, — времена Батия, немецких рыцарей, Карла Шведского, Наполеона. Потомки врагов православного христианства хоят ещё раз попытаться поставить народ наш на колени <...>. Вспомним святых вождей русского народа Александра Невского, Дмитрия Донского, полагающих свои души за народ и родину, вспомним неисчислимые тысячи простых православ-

ками; любимце Сталина, и поэтому поэт советского русского офицера Константина Симонова одним из первых запечатлел опору на веру православную уже в самом начале войны. Ты помнишь, Алёша, дорожи Смоленщины, Как шли бесконечные, злые дожди. Как кринки несли нам усталые женщины, Прижае, как детей, от дождя их к груди. Как слёзы они вытирали украдкой, Как вслед нам шептали:

"Господь вас спаси!" — И снова себя называли солдатками, Как встарь повелось на великой Руси.

Слезами измеренный чаще, чем вёрстами, Шёл тракт,

на пригорках скрываясь из глаз: Деревни, деревни, деревни с погостами, Как будто на них вся Россия сошлась,

Как будто за каждою русской околицей, Крестом своих рук огражда живых, Всем миром сойдясь,

наши прадеды молятся За в Бога не верящих внуков своих.

Ты знаешь, наверно, всё-таки родина — Не дом городской, где я празднично жил, А эти просёлки, что дадами пройдены, С простыми крестами их русских могил...

В этом стихотворении все явления природы, все деяния людей, все приметы быта — дороги Смоленщины, злые дожди, кринки с молоком, женские слёзы, дорожные вёрсты, деревни с погостами, кресты на могилах, русские околицы, всё рождённое, ушедшее в прошлое и живущее в настоящем, — всё готовится вместе с нашими отступающими солдатами вместе, вернуться и победить.

Вот что такое народная война. Таких войн никогда не знала Европа. И не случайно ещё и то, что слова "на великой Руси", "вся Россия сошлась", "за каждою русской околицей", "с простыми крестами их русских могил", наполненные стихотворение, предугадывали, что главной скрепой начавшейся борьбы за "свободу и независимость нашей родины" будет русская скрепа. Наши поэты с первых дней войны почувствовали, что столь могущественного врага можно победить, лишь следуя древней истине — "смертью смерть поправ", и после этого их речь естественно обрела черты бесстрашного трагического достоинства: "вставай на смертный бой", "смерть не страшна, с ней не раз мы встречались в бою", "а копь пробьётся в землю лечь, так это только раз...".

Сотни писателей в первые же дни войны ушли добровольцами на фронт и в народное ополчение. Подлинным подвигом стало создание поэтом Василием Лебедевым-Кумачом и композитором Александровым песни "Священная война", написанной в ночь с 22 на 23 июня 1941 года.

славы... И какой циничной ложью полны вопли нынешних фальсификаторов истории о том, что наша война была всего лишь войной двух тоталитарных систем, войной Сталина и Гитлера, следовательно, она и не "отечественная", и не "священная". Эти антисоветские русофобские шавки не могут понять даже того, что наша война была не просто советско-германской, но войной всей нападающей континентальной Европы с обороняющейся российской Евразией. По окончании войны в наших лагерьх для военнопленных было около четырёх миллионов солдат III рейха. Из них два с половиной миллиона немцев, один миллион пленных были солдатами стран, официально объявивших нам войну — венгров, румын, итальянцев, финнов, норвежцев, словаков, и полмиллиона были добровольцами из стран, официально не воевавших с нами, — испанцев, чехов, французов, хорватов, бельгийцев, поляков, голландцев, датчан. Вся континентальная Европа — а это 350 миллионов населения! — была мощным тылом, работавшим на гитлеровскую военную машину, снабжавшим многомиллионную армию III рейха оружием, продовольствием, обмундированием, транспортом.

Все немецкие танки производились в Чехии, и экипажи "Тигров" были укомплектованы чехами. Добровольцы из гитлеровского Евросоюза вступали в вермахт потому, что знали: после победы все пространства Советского Союза станут колонией для объединённой континентальной Европы и, разумеется, для их собственных стран. В гитлеровском плане "Ост" политика в области сельского хозяйства определялась так: "Производство продовольствия в России будет включено в европейскую систему, поскольку Западная и Северная Европа голодают... Германия и Англия нуждаются ввозе продовольствия". (Англичане для Гитлера, несмотря на то, что Англия была в состоянии войны с Германией, были арийцами, в отличие от "унтерменшей"-славян.) Все разговоры о том, что наши пленные зверски уничтожались в немецких лагерях лишь потому, что СССР не подписал до войны какое-то соглашение с Международным Красным Крестом — ложь наших либералов. Какой там Красный Крест, если высшая раса вступила в борьбу с "недочеловеками"! Уничтожение всей нашей жизни, культуры, истории, всей цивилизации — вот каковы были планы фашистской Европы, и русская поэзия почувствовала эту смертельную угрозу с первых дней войны. Поэты старшего поколения и так называемого Серебряного века, даже те, кто ненавидел Октябрьскую революцию и советскую власть, вдруг почувствовали себя русскими патриотами. 23 февраля 1942 года Анна Ахматова, молчавшая до войны много лет, сочинявшая "антисталинский" "Реквием", отозвалась стихотворением "Мужество": Мы знаем, что нынче лежит на весах И что совершается ныне.

О публицистической правде писателя Андрея Канашикова

Говорят, что на так называемых неудобных людях весь мир держится. Дескать, категория таких людей является своеобразным катализатором нашей жизни и неизменным двигателем общественного прогресса. И тогда невольно возникает вопрос: а что в принципе отличает этих представителей "homo sapiens" от нормальных людей? Может быть, всего лишь та энергия одержимости, с которой они всегда идут против течения, наперекор устоявшимся стандартам и нормативам нашего бытия? Или стихия этих людей — постоянная и отчаянная вызов загнывающей повседневности, поиск той абсолютной правды, излишек которой, по мнению обывателей, приносит человеку всего лишь "головную боль"?

Врачи утверждают, что абсолютная стерильность воздуха, пищи, воды, эмоций также вредна, как и загазованный воздух, хлорированная вода, немые овощи и присутствие в них ГМО. По мнению специалистов, наш организм для укрепления иммунной системы должен иметь постоянные раздражители (внутренние или внешние), дабы поддерживать в себе тонкое и адекватное сопротивление этим микробам. Это утверждение, конечно же, нельзя принимать за аксиому, а, скорей всего, к нему нужно относиться с философской умудрённостью. И, может быть, проблему "неудобных людей", в какой-то мере разрушающих "стерильность" общественного сознания, стремящихся как бы взорвать окружающее нас "болото" бытийных стереотипов и штампов, нужно воспринимать как закономерное общественно-историческое и генетическое явление?..

Например, разве был "удобным человеком" для философов-оппонентов Древней Греции Аристотель со своей "Поэтикой", ставшей настоящим вызовом идеалистической системе Платона и открывшей совершенно новый взгляд на эстетическое содержание художественного творчества? Или тот же подвижник-астроном Коперник, который в эпоху Возрождения положил начало первой научной революции и разработал гелиоцентрическую систему мира? А вот в жизнь древнеизраильского царя Давида являлся дискомфорт внёс ветхозаветный пророк Нафан, который своей мудрой притчей обвинил царя в тяжком грехе, когда тот обманом и подлостью завладел чужой женой ("не желай жены ближнего твоего"). Таких аналогий в истории человечества можно привести сколько угодно. Но разве эти, на первый взгляд, "неудобные подвижки" отдельных личностей, надённых талантом и оригинальным мышлением, в конце концов не приводят к социальному и культурному прогрессу?

Журналист и писатель Андрей Канашиков, безусловно, "неудобным человеком" себя не считает. Но прочитавшие хотя бы его публицистические книги "Цивилизация троечников" (Великие Луки: "Рубеж", 2008) и "Прямой репортаж из Вавилона" (М.: "Беловодье", 2015), написанные в остром полемическом стиле, иногда доведённом до гротеска, где любая проблема нашей жизнедеятельности рассматривается в ракурсе скрупулёзного, беспощадного анализа и типологического обобщения. И вы поймёте, почему его неприкрытая позиция "правдолюбца" для рядового обывателя и власть предержащих часто кажется "неудобной" и даже откровенно осуждающей... А Канашиков, показывая "голого короля" в

его реально-вызывающей обнаженности, практически ничего нового не придумывает. Он просто следует главному принципу своего творчества — "резать правду-матку", поиски которой, по его мнению, несут в себе глубинные нравственные корни всей русской истории и, особенно литературы девятнадцатого века, которая, как никакая литература в мире, сумела поставить и мучительно пыталась ответить в агонирующей феодально-крепостнической России на три сакраментальных вопроса: "Кому на Ру-

Зачем нужны неудобные люди?

си жить хорошо?", "Кто виноват?" и "Что делать?"... Вот небольшая главка из книги "Цивилизация троечников" с броским, интригующим названием — "Министерство правды добралось до маршала Жукова". Речь в ней идёт о заметке восьмилетней давности в "Российской газете", где журналист "Комсомольской правды" Василий Песков вспоминает о встрече с легендарным маршалом, произошедшей в 1970 году, накануне 25-летнего юбилея Победы над фашистской Германией. Причём, редакция, насколько не смущаясь, делает несколько витие-

лчайшим испытанием. Проверяться жизнеспособность нашей социальной системы, нашей коммунистической морали, сила нашей экономики, единство наций, словом, всё, что было построено после 1917 года... Мы победили. Армия наша не только смела захватчиков со своей земли, но и освободила от фашизма всю Европу. Колоссально вырос в мире авторитет нашего государства. У миллионов людей на земле укрепилась вера в социалистический строй. Вот что значит наша Победа...".

Прямой репортаж из Вавилона

Развенчивая пресловутые принципы "свободной буржуазной печати", Канашиков беспощаден в оценках всевозможных подтасовок и фальсификаций истории: "Немудрено, что подобный текст был стилизовано удалён. Не только маршал Жуков, но никто сейчас, по мнению соотрудников нашего доморощенного "министерства правды", не имеет права говорить о том, что вообще-то воевали мы за социалистическое Отечество, за нашу Советскую Родину, воевали в содружестве всех наций и народов... В окопах Сталинграда русские Ваньки жизни клали не за процветание Абрамовича и Прохорова. Блокадники Ленинграда терпели лишения и умирали миллионами не для того, чтобы наши нефть и газ продавали за американские доллары и хранили их в банках США. Александр Матросов грудью лёг на амбразуру вражеского дзота не для того, чтобы его ровесники могли сегодня до благоденствия упиваться продвинутым иностранным пивом. Николай Гастелло направил свой горящий самолёт в гущу вражеской колонны танков не для того, чтобы по России

сегодня сотнями тысяч кочевали беспризорники, умирали под забором бомжи, а девушки рождались для заграничных борделей...". Вообще тема заведомой лживости и политической ангажированности современной "свободной" прессы является одной из главных в публицистических выступлениях Канашикова. И как раз здесь проявляется характерная особенность его творческой манеры, с её постоянной устремлённостью к конкретике и актуальности, отсутствием голословности и излишних эмоциональных пассажей. Эта особенность наиболее ярко прослеживается в освещении пресловутой проблемы "сталинизма" в книге "Прямой репортаж из Вавилона", где Канашиков выбирает очень "неудобный", бескомпромиссный ракурс для своих политических оппонентов. Уже первая фраза из главы "Тем же были Сталин" показывает "бойцовский дух" автора, его точный полемический прицел и непримиримую идеологическую позицию: "Парадоксальное явление: чем больше Сталина пытаются очернить или каким-то образом "десталинизировать", чем откровеннее его сбрасывают с парохода современности, тем явственнее и всемогуще проступает из прошлого величественная фигура этого подлинного государственного деятеля...".

Сделав такое "открытое заявление", автор статьи не уходит в сухую академическую полемику со своими оппонентами из "министерства правды".

Он старается показать И.В. Сталина в многочисленных ракурсах его общественно-политической и государственной деятельности. При этом Канашиков в своих рассуждениях всё время опирается на одну и ту же мысль: без адекватной оценки фигуры Сталина невозможно сколько-нибудь глубоко понять советскую эпоху в целом.

Так, в 1946 году Сталин в своём выступлении перед избирателями дал оценку Великой Победы над фашизмом, опираясь на точный скрупулёзный социально-экономический анализ предвоенной обстановки в СССР: — Можно ли утверждать, что перед вступлением во вторую мировую войну наша страна уже располагала минимально-необходимыми материальными возможностями для успешного вооружённого отпора иностранному агрессору? Я думаю, что можно утверждать. На подготовку этого грандиозного дела понадобилось осуществление трёх пятилетних планов развития народного хозяйства. Во всяком случае, положение нашей страны перед второй мировой войной, в 1940 году, было в несколько раз лучше, чем перед первой мировой войной в 1913 году...

Вдумываясь в аргументированную и доказательную публицистику Канашикова, невольно начинаешь понимать: только враждебно-пренебрежительное отношение к идейно-историческому наследию И.В. Сталина может породить в современной либеральной историографии грязную волну "антисталинизма", на которой происходит, по мнению писателя, "планомерное и осмысленное превращение реального государственного деятеля и мыслителя в некую лубочную фигуру без корней и истинного содержания...".

Почему же сегодня происходит такая наглая и голетная фальсификация истории? "Неприимимый и неудобный" писатель-публицист Канашиков видит три главных причины этого порочного явления. Во-первых, надуманные, сфабрикованные фальшивки по истории России появляются для того, чтобы предельно запутать и дезориентировать общественную мысль, сделать из нас "Иванов, не помнящих своего родства", свести многие проблемы современного общества к неразрешимым конфликтам, порождающим в людях озлобление, страх и неверие в завтрашний день.

Во-вторых, изготовление таких фальшивок становится сегодня не только модным хобби, но и выгодным, высокооплачиваемым бизнесом, в котором явно заинтересована высшая политическая элита. И в-третьих, современная буржуазная бюрократия как огня боится исторической правды. Потому что даже на фоне того же "сталинизма", со всеми его позитивными и негативными явлениями, отчётливо просматривается убогость современной модели управления страной, всё несовершенство грабительской либерально-рыночной экономики. Особо заметна эта "убогость" управления сегодня, когда нынешний год с превеликой

помпой объявлен Годом литературы. Анализируя и показывая литературный процесс в современной России, писатель Канашиков с неподдельной горечью замечает: "С крушением СССР произошло разрушение как централизованного книгоиздания с обширной системой распространения печатной продукции, а, значит, и значительное ущемление диалога писателя и читателя. То есть, сам факт написания хорошего произведения сейчас уже совершенно ничего не гарантирует. Это произведение вполне может пройти мимо литературных журналов, альманахов, даже интернета, чтобы, наконец, в лучшем случае быть изданным на собственные деньги автора тиражом 100-200 экземпляров...".

И здесь с новой силой возникает проблема востребованности писателя и литературы в современной России. Кому сегодня нужен талантливый, но "нераскрученный" писатель, без идеологических и финансовых покровителей, без прочных корпоративных связей? Разве книга такого писателя, даже с трудом изданная на собственные деньги, когда-нибудь попадёт на книжные полки и станет достоянием читателя? Вот поэтому книжные магазины мегаполисов и забыты сегодня разнообразным "чтивом" Виктор Пелевина. Разно Доновою, Владимир Сорокина и других "элитных" писателей, успешно отработавших "госзаказ", как правило, oblivаяющая грязью наше "совковое" прошлое, интригующих оживлённого обывателя амурно-детскими сюжетами и тем самым притупляющих общественное сознание.

"Раскрученность писателя в современной России, — подводит нерадостный итог Андрей Канашиков, — превратилась в однозначный знак некачества русской литературы. Что, кстати, является ещё одним попутным и желаемым результатом деятельности финансовых воротил от идеологии. Напрочь уничтожены не просто желание людей читать книги и следить за литературными новинками, но и запалать саму профессию писателя, превращая его в говорящую голову издательства или финансово-промышленной группы...".

Так на какие моральные и нравственные принципы должен опираться сегодня писатель? — Диал на все разумные принципы, которые лежат в основе человеческой морали, — отвечает Андрей Канашиков. Прежде всего, принципы добра и милосердия, справедливости и братства. Буржуазный "закон джунглей" не имеет ничего общего с нравственными принципами, он лежит уже за гранью морали, это всего лишь образ существования, где властвует биологический инстинкт самосохранения и насилия сильного над более слабым". Все мы хорошо понимаем: Россия в который раз находится на переломе своего развития, в котором явно не хватает духовно-нравственного начала. Есть ли выход из этого социально-политического тупика? Есть, утверждает Канашиков: "Об этом хорошо в своих работах говорит православный философ Александр Молотков. Он напоминает всем нам, что продолжающаяся конфронтация между религией и атеизмом, православной верой и коммунистической идеей не приведёт к добру. В идейно-философском запале мы порой забываем о нравственно-духовном единстве положений марксизма-ленинизма и библейских постулатов. Не пора ли приходить к консенсусу противоборствующих сил и сделать попытку построить совершенно новый тип государства по принципам православного социализма?".

Эдуард ПЕТРЕНКО

ДЕНЬ ПОЭЗИИ

*** Холодно сердцу, не видно ни зги. Жизнь воробьиного пёрышка легче. Кто-то несёт по дороге навстречу Белый светильник январской пурги.

НИНА ЯГОДИНЦЕВА

Целуя руки ветру и воде...

Оберегая неровный огонь, Выются и стелются тонкие ткани, То прикикая к мерцающей тайне, То разлетаясь неровной дугой.

И замечают невидимый след, И обнимают, и прячут в пелёны Тьму немислимой усыновлённый Свет одинокий, покинутый свет...

*** В средоточье города и мира На туберкулёзном сквозняке Что тебя спасло и сохранило, Как ребёнок - пёрышко в руке, Иногда, стремительно и кратко, Слово лёгкий солнечный ожог, Взглядывая на тебя украдкой И опять сжимая кулачок?

В темноте невыносимо тесной, Крыльщиками смятыми дрожа, Замирала в муке беспомощной Крохотная слабая душа:

Разве голос? - Где ему на клиросе! Разве сердце? - Купят, не соврут! Но темница тёплая раскрылась И открылось тайное вокруг:

Что ж, взлетай легко и неумело, Где бесцельно в землю полегли... Родина - таинственная мера Боли и любви.

*** Я жизнь твою, я сон твой безымянный, Припоминаю спутанный к утру. Не окликай Мариной или Анной - Без имени умру!

Я жизнь твою - уже ненужный воздух. Пыльца на крыльях смятых. Детский страх

Не быть. Я твой полуптич в поздних, Неповнимом поздних поездах.

Под утро просыпаясь - пустое Купе, сквозняк, озноб и тишина... Я жизнь твою - я ничего не стою, Сама себе цена.

*** Охрана вооружена, Дорога в белый сумрак брошена. Вокруг такая тишина, Что от неё не жди хорошего.

Январский холод зол и слеп, И в полдороге - одиноково - Кривая мельница судьбы, Крутая лестница Иакова.

По оба выросших крыла, Куда бы злая блажь ни целила, Зима в беспамятство слегла - И ни кровинки на лице её.

Но с облаков наискосок - Тонюсенький, вздохнёшь - и нет его, Трепет русый волосок Луча залётного, рассветного...

Помилосердствуй же! И впрямь, Где горя горького напластанно, Не дай соблазна умереть, Не допусти соблазна властвовать.

*** Город холодом набит, Как мешок хрустящей ватой. Не туманит, не знобит, Но пылаешь виновато: На Рождественский мороз, На Крещенские окопы Столько радости пришлось - Нестерпимой, родниковой,

Обжигающей уста, Занимающей дыханье, Как дитя или звезда, Или свет под слабой тканью Ежедневной суеты, Наспех сотканной вручную За мгновенье до беды, За полшага в жизнь иную...

*** Непогода пришла как отряд батки Махно:

Гогоча, из горла прихлёбывая, прикладом стуча в окно, Выгребая запасы осенние из подвалов и с чердаков... Да не бойсь, чего там - ноябрь всегда таков.

Если воля и холод сойдутся - родится смерть. Ничком на овчинку неба падает степь, Серая, бурная пустота, Но сердце уже не обманешь - родная, та,

Где не за что ухватиться душе слепой, Где - если заплачешь, в сердцах оборвут: "Не пой!"

А замёрзнешь, тряхнут за шиворот: "Встань!" Россия моя, Россия, свиданье тайн Непостижимых!

Когда по снежной стерне Ведут, матерясь, к обрыву или к стене, На сквозном перекрёстке иных дорог Свернут напоследок цигарку: курни, браток...

И ты вдыхаешь дымок и не помнишь зла. О жизни ли горевать, если всё - зола? О смерти ли, если даже махра - сыра? Крайнему: докурите, а мне - пора.

*** Тоску твою свели на торжище, Любовь забыли вспоминать, Лица не узнают - но кто ж ещё Так жарко может воспылать

От невесомого касания, От золотого сквозняка! Не покидай меня, спасай меня, Веди меня сквозь облака,

Как ты сама идёшь - не каешься, Не наклоняешь головы, И только сердцу откликаешься Среди губительной молвы.

*** Таки и музыка воровская, Густеет ночь, а ехать далёко. Звёздочка розовая у края Горячего чёрного небостока.

А музыка рвётся в окно, тоскуя, От слова к слову перелетая: "Ах, люблю меня хоть такую - Смотри, какая я молодая..."

Слушать нельзя, а не слышать - мука, Думать не о чем - сердцу горько. Машина летит как стрела из лука, И кажется, небо плывёт под горку.

И душно - как будто страну украли, И пошло теперь уповать на милость, И звёздочка розовая у края, У самого края остановилась,

И музыка падает, нелюбима, Мешая пыль со слюной и кровью... Водила смеётся - его калыма Не обломать никакой тоскою.

*** От прибы тьмы до её истока Лишь одна звезда - низко и далёко. Горькое тепло опалит губы. Зеркало твердит: на тебе лица нет... Тишина черна,

словно плащ Гекубы, - Но одна звезда вдалеке мерцает. Нежная сестра, ясная лампада, Розовый огонь радости вечерней! Лишь бы ты была,

лишь бы не пропала лишь бы не пропала В пепле и золе мировых кочевий! Страх преодолев, прыгнуть на колени, Ветви протянуть

и расправить листья, Корни ощутить, а через мгновенье Ветер налетит - власть наговоримся.

*** Целуя руки ветру и воде, Я плакала и спрашивала: "Где Душа его, в каких мирах отныне?". Вода молчала, прятала глаза, А ветер сеял в поле голоса, Как прежде сеял он

пески в пустыне. Когда бы знала я, в каких мирах Его душа испытывает страх Прошедшей жизни, тьмы её и света, Я возвратила бы её назад, В исполненный цветенья

майский сад, Где есть одна любовь, а смерти нету...

Вода и ветер, ветер и вода... Я выучила слово "никогда", Но и его когда-нибудь забуду - Забуду, как завьюженный погост, Где снег лежал безмолвно в полный рост, И таял в небесах, и жил повсюду.

*** Покуда нет в тоске таинственного брода, Пока она стоит, как тёмный океан, И ты на берегу, и так проходят годы, Тебя из тишины зовя по именам, -

Покуда нет в тоске ни паруса, ни лодки, И скользкого бревна не вынесет прибой,

И все льяны пусты, и все надежды кротки, И ты на берегу, и только Бог с тобой -

Покуда нет в тоске рассвета и заката, Зелёный сумрак сна и каменная гладь,

Всё кажется тебе какой-то смысл загадан, И если ты его сумеешь отгадать - Как посуху пойдёшь!

И только Бог с тобой, Когда из глубины, незримые почти, Проступят, как прожгут лучины под стопою, Диковинных существ холодные зрачки...

*** Вспомнил - и промолчи, Вздогнул - и успокоился. Ангелы на покосе Точат свои лучи. Искрами бьёт по коже Их незнакомый смех: Гости-то не из тех

Мест - из других, похоже... Песенок не поют, Мёда на хлеб не мажут. Лезвия отобьют - То-то травы поляжат!

*** Ребёнок рябины, веснушчатый, ломкий, Неловко расставивший локотки, На цыпочки встал у разломанной лодки, Туман в камышах.

Акуают няньки, бегут на опушку - Нашли! Обнимают, теребят, грозят И горькие щёчки целуют: неужто Не хочешь назад?

Не след бы младенцу стоять у затона, Где прошлая тайна его сторожит, - Ему, несмышлёному, слишком знакомо, Как время бездонно, Как вечность безжит.

*** Всю муку бессловесности, весь белый Простор Твоих несокрушимых зим Я проживаю неизбывной верой Непостижимым помыслам Твоим.

И в час, когда нечаянно и страшно Открываются родные имена Земных вещей - о них уже не спрашивай, Они прошли как пламя сквозь меня, Прошли - и словно накрепко прошли

Живую ткань неровные стежки... Теперь Тебя я чувствую по силе Тоски.

*** Нельзя ни на миг оставить одну Эту полночь, эту страну, Наилегчайший из всех даров - Это бессонницу на Покров.

Нельзя ни на миг! Но, закрыв глаза, Я забываю про все "нельзя", Я затеваю почти побег Пламенем вдоль невесомых век. Я прохожу по сырой траве С белым лебедем в рукаве, С тихим озером на душе - И открываю глаза... Уже?

Да. Ни на миг. Разверни теперь Белый свиток своих потерь. Белым по белому - о вылом: Лебедь, бьющий о лёд крылом. То-то зима в России долга! Из году в год на Покров снега, Да и какие мы сторожа - Укараулишь тебя, душа?...

Уж кубки драгоценные пусты, А жажда продолжает доминать И, как поток огня, из темноты, Желание рождается опять. И снова крик, метания и стон Вразосторон друг в друга влажных тел. Это судорог тугий канат сплетён, И, кажется, что наступил предел. Но снова нежность порождает дрожь,

Да он и сам ещё не раз умрёт В тех душах, что его боготворили. И повторится этот переход, Подвластный непреклонной Божьей силе. Но у поэта жизнь в его стихах. Его душа для сотен душ открыта. Любью его и совесть, гнев и страх Притягивают с жадностью магнита.

Да он и сам ещё не раз умрёт В тех душах, что его боготворили. И повторится этот переход, Подвластный непреклонной Божьей силе. Но у поэта жизнь в его стихах. Его душа для сотен душ открыта. Любью его и совесть, гнев и страх Притягивают с жадностью магнита.

Да он и сам ещё не раз умрёт В тех душах, что его боготворили. И повторится этот переход, Подвластный непреклонной Божьей силе. Но у поэта жизнь в его стихах. Его душа для сотен душ открыта. Любью его и совесть, гнев и страх Притягивают с жадностью магнита.

Да он и сам ещё не раз умрёт В тех душах, что его боготворили. И повторится этот переход, Подвластный непреклонной Божьей силе. Но у поэта жизнь в его стихах. Его душа для сотен душ открыта. Любью его и совесть, гнев и страх Притягивают с жадностью магнита.

Да он и сам ещё не раз умрёт В тех душах, что его боготворили. И повторится этот переход, Подвластный непреклонной Божьей силе. Но у поэта жизнь в его стихах. Его душа для сотен душ открыта. Любью его и совесть, гнев и страх Притягивают с жадностью магнита.

Да он и сам ещё не раз умрёт В тех душах, что его боготворили. И повторится этот переход, Подвластный непреклонной Божьей силе. Но у поэта жизнь в его стихах. Его душа для сотен душ открыта. Любью его и совесть, гнев и страх Притягивают с жадностью магнита.

Да он и сам ещё не раз умрёт В тех душах, что его боготворили. И повторится этот переход, Подвластный непреклонной Божьей силе. Но у поэта жизнь в его стихах. Его душа для сотен душ открыта. Любью его и совесть, гнев и страх Притягивают с жадностью магнита.

Да он и сам ещё не раз умрёт В тех душах, что его боготворили. И повторится этот переход, Подвластный непреклонной Божьей силе. Но у поэта жизнь в его стихах. Его душа для сотен душ открыта. Любью его и совесть, гнев и страх Притягивают с жадностью магнита.

Да он и сам ещё не раз умрёт В тех душах, что его боготворили. И повторится этот переход, Подвластный непреклонной Божьей силе. Но у поэта жизнь в его стихах. Его душа для сотен душ открыта. Любью его и совесть, гнев и страх Притягивают с жадностью магнита.

Да он и сам ещё не раз умрёт В тех душах, что его боготворили. И повторится этот переход, Подвластный непреклонной Божьей силе. Но у поэта жизнь в его стихах. Его душа для сотен душ открыта. Любью его и совесть, гнев и страх Притягивают с жадностью магнита.

Да он и сам ещё не раз умрёт В тех душах, что его боготворили. И повторится этот переход, Подвластный непреклонной Божьей силе. Но у поэта жизнь в его стихах. Его душа для сотен душ открыта. Любью его и совесть, гнев и страх Притягивают с жадностью магнита.

Да он и сам ещё не раз умрёт В тех душах, что его боготворили. И повторится этот переход, Подвластный непреклонной Божьей силе. Но у поэта жизнь в его стихах. Его душа для сотен душ открыта. Любью его и совесть, гнев и страх Притягивают с жадностью магнита.

Да он и сам ещё не раз умрёт В тех душах, что его боготворили. И повторится этот переход, Подвластный непреклонной Божьей силе. Но у поэта жизнь в его стихах. Его душа для сотен душ открыта. Любью его и совесть, гнев и страх Притягивают с жадностью магнита.

Да он и сам ещё не раз умрёт В тех душах, что его боготворили. И повторится этот переход, Подвластный непреклонной Божьей силе. Но у поэта жизнь в его стихах. Его душа для сотен душ открыта. Любью его и совесть, гнев и страх Притягивают с жадностью магнита.

...Морская канула в моря... Марина Цветаева

Кровавые рябины справа. Плакучие берёзы слева. Встретимся ль, милые, впрямь? Твердят: "Марина, вы не правы!" Тебе, Марина-королева!

Пеннорожденная морская - В стихии тесной пресноводной Обречена была такая На смерть, чтоб снова стать свободной!

Ты канула... О, если б в море! Прощай, прикамское приволье! Но это горе - всё же не горе, Лирическое своеволье!

Не горе, что не пожелала Дурной эпохе стать служанкой. А горе, горе, что не стала Елабужанкой и волжанкой.

А горе то, что не воспела - Как только б ты сумела! - Волгу

А другого, видно, нет пути

За всех, кто за избытком дела Века ей верен втихомолку.

Неизреченные напевы Шального волжского прибора, Отвергнутая королева, Ты унесла навек с собою.

*** Кто мы? Что мы? С кем мы? Где мы? Как нам жить и быть теперь?.. Белокурый юный демон Кофе мне принёс в постель.

Всё случившееся - в силе. Всё у нас не как у всех: Всю-то ночь проговорили О стихах - и смех, и грех!

Н-да, неладно что-то с нами... Впрочем, может, хорошо: Так мы увлеклись стихами, До греха и не дошло!

Я, наверно, жестока. Но не более, чем он. Я люблю Саффо и Блока, Он - в Есенина влюблён.

Среди классиков не тесно Нам - совсем наоборот! Разобраться бы с небесным, А земное подождёт!

*** Улица сутулится под ветром. Горбится под ливнем старый мост... Ну, а я бегу, считая метры До того, что невзначай сбьёшься. Зонт мой нераскрывшийся,

что дальше? Я не пожалела ни о чём, Вымокнув под самым настоящим, Самым майским проливным дождём.

Друг, меня предавший, ну и как ты? Не печалься, что протронул! Нынче у меня достанет такта Сделать вид, что ты меня прости!

Рыжий, словно око светофора, Кот, глядящий ночью в лица звёзд, Привязался, чтоб отстать нескоро - Прихвостень, бродяга и прохвост!

...На сыром ветру роняя блёстки Всем случайным-неслучайным вслед, Ты дождись меня на перекрёстке, Долгожданный мой зелёный свет!

*** На кобылу всадницу променяв (Знать, в кобылах ты знаешь толк!), Ты забудь, забудь про меня, И про то, как ты одинок.

Увлекайся, по скачкам ходи. Веди бывать спасительной ложь! А черт схорони в груди - Не тревожь её, не тревожь!

Никого в случившемся не вина, Не вступаю в смертельную эту игру. Позабудь припорившую коня, А любя кобылу гнедую Фру-Фру.

Тёплой мордой ткнётся в твоё плечо (Много ль надо расставшемся с мечтой?)... Ты целуй, целуй её горячо, Как не смел меня целовать, друг мой!

*** Нынче и присно уже не приснится (Разве во веки веков!) Волга - усталая синяя птица, Дочь голубых родников.

Ты ль не поила шальных атаманов? Ты ль не топила княжон? Не над тобой ли, от удалы пьяной, Царский штандарт водружён?

Так отчего же ты больше не вхожа В странные песни мои?.. Азия, чёрная птица, итожит Душу-добычу в крови.

*** Ни семьи, ни состоянья Мне нежить не удалось. Работяга, не бездельник, Озорной не по годам, Если будет много денег, Я ведь тут же их раздам.

По кустам петляет снова Потаённая тропа.

Я какой-то непутёвый, Непутёвый шалопай!

*** Благоухает и вздыхает На ветвях влажная листва, И пусть земля вокруг сухая, Она поёт, она жива. И ей так хочется молиться В палящесолнечные дни, И листьям радостные лица Другам кажутся в тени.

В златой парче проходит лето, Как император пред толпой. Всё меньше трепетного света. Всё больше черноты слепой. Листва, страдая, опадает, Свистит морозный сушевой, Шуршит, томленью сострада, В тоске заломленных ветвей.

...С чувством меня научившие, с толком И с расстановкою петь, Средняя Азия, Средняя Волга, Встретимся ль, милые, впрямь? Да и какие вы средние, право, Ежели не налегке Насмерть форпостами Встали в судьбе и строке?

И - рассчитались со мною сторицей... Что ж, запевай "Бисмилля!", Окровавленная хищная птица - Азия, песня моя!

*** Пуглив и странен, диковат и тих, До времени державшийся в сторонке, Меня подкараулит мой же стих, Похож на нежеланного ребёнка.

То ли от попищ Калин - гулеван? Калина жесточе Не было и нет: Русь довёл до точки, Чёрен белый свет!

Тяговую долю Вервием леча, Льёт потоки крови Цвета кумача.

...Тщится нашу драку Превратить в игру Интернет-собака. Яндекс. Точка. Ру. Но в стране восточной, Стороне родной, Усмехнувшись, точка Станет запятой. С этой запятой Сгинем не зряя Даже под пятою Калина-царя. За пятой, за пядой Отчины-земли Не чужие дяди - Сродники легли. Сумеречь да суметь Затевают спор... Унывать не будем, Русский наш топор! В щих не уварился. Стройный лучсе всех. И не затупился О чужой доспех!

*** И смотрят последние астры в саду, На то, как топиться хожу я к пруду... Диана Кан (из первой книги)

Заживём в кувшинковом раю, Милый мальчик, всем друзьям на зависть... ..Бедный мальчик, баюшки-баю, Я в реке живу, а не купалось... Диана Кан (из второй книги)

В полуденном солнце сверкнув чешуёю, Прощаюсь, прощаюсь, прощаюсь с тобою... Диана Кан (из третьей книги)

О себе, о любви, о России Мне расскажет русалка моя... Евгений Семичев

Волгой, Волгой, а потом Мологой. Из Мологи напрямик в Китыму... Я слыла когда-то недотрогой - Чутье, непостижимая уму.

Я слыла капризноу русалкой, Искусив блаженством и бедой Невзначай поймавших на рыбалке Ту, что назовут своей судьбой.

Все они вели себя, как дети. Волокли русалку под венец. Для добычи расставляли сети И - добычей стали наковне!

Ох, жена - не сыщешь расчудесней! Разменяла жизнь на ерунду. Все поэт невведомые песни Да топиться бегаёт к пруду.

Всякая лягуха ей - царевна. Всякий лотос - чуть ли не жених! Ну, а ты живи себе, как евнух! Али не смирился, не привык?

...Не смирились и не привыкали, Становясь угрюмой и грустной... И глаза их, полные печали, Не забыть мне до скончанья дней.

Как с женой-русалкой ночи долги!.. В полнолуние не смыкая глаз "Шла бы вниз по матушке, по Волге!" - Думали, болезные, не раз.

Волжский взгляд русалий с паволокой Тоже манит по теченью плыть... Ведь к первоначальному истоку Ничего уже не возвратит!

Почему же супротив теченья Плыть извечно ю обречена?.. Реки, речки, реченьки, реченья... Не упомяну ваши имена!

...Волгой, Волгой, а потом Мологой... Да не всё ль равно, куда идти, Если сам к себе придёшь в итоге?.. А другого, видно, нет пути.

*** В кафе под навесом, на солнце искристом, Не в силах привыкнуть к его янтарю, Себя ощущая импрессионистом, Смотрю, преднамеренно долго смотрю

На то, как лениво разносят бармены Имбирного чая бокалы со льдом, Как улицы вьётся горячая вена, И юностью грезит готический дом,

На мир, состоящий из праздничных точек, На время, застывшее словно вода, Пока не растает последний кусочек Прозрачного, светом зажжённого, льда...

*** Светлы аллеи Переделкино, Как будто Мекки небеса. Мы смотрим скорбных наших дел кино, Меняя почты адреса.

И всё, что разумом расколото Сольётся в этой синеве. Как может быть зелёным золото? А это солнце на листве!

Во мне законы мироздания, Весь мир, что кроен наугад,

И обречённые создания, Но больше, больше во сто крат: Грехи, ошибки, заблуждения, Интриги, заговоры, ложь, Химеры, ужас, наваждения И похоти святая дрожь. Мы - это наше отношение И с Богом разговор на ты, Надежды, вера и свершения, И позабытые мечты. Душа раскается нетленная Под шёпот мыслей-светлячков, И тонет лодкою вселенная На дне раскрывшихся зрачков.

*** В жару страстей на мятых простынях, Ревнуя, ненавидя и хотя, Как совращённый жрицой монах, Тебя я прижимаю, как дитя.

Ярослав КАУРОВ С судьбою не может быть торга...

И лавой пламенной течёт гранит, И на полёт падения похож Наш танец, что по лезвию скользит. Вот утро уж холодное пришло, Химеры, ужас, наваждения Кареты ждут, и дождь стучит в стекло, И шпаге в ножах душою и темно.

*** Уходит человек, но вместе с ним Его друзья и братья умирают, Те, с кем был славен он, с кем был гоним, Идут к придуманному ими раю.

*** Я вижу, как они вокруг стоят Над самой неухоженной могилой, Остановился удручённый взгляд, Печален лик, лелеемый и милый.

Для этого он тратил столько сил, Для них он жил, для них он пел сердечно, Ему и умирать придётся вечно.

*** Я какой-то непутёвый, Непутёвый шалопай, И бедовый, и фартовый, Да не вывела тропа. Я, наверно, просто странный И вялая дурака, Все гуляют в ресторанах, Я иду по кабакам. И лежит моя дорожка Там, где пыль да вороньё. Посмотреть мою одежду - Это полное рваньё. Есть чины и даже звания, С виду здоровенный лось,

Я какой-то непутёвый, Непутёвый шалопай!

*** Благоухает и вздыхает На ветвях влажная листва, И пусть земля вокруг сухая, Она поёт, она жива. И ей так хочется молиться В палящесолнечные дни, И листьям радостные лица Другам кажутся в тени.

В златой парче проходит лето, Как император пред толпой. Всё меньше трепетного света. Всё больше черноты слепой. Листва, страдая, опадает, Свистит морозный сушевой, Шуршит, томленью сострада, В тоске заломленных ветвей.

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ "ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ" ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ "ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ..." ИНДЕКС: 26260. НАШ САЙТ: denlit.ru

МИР ИСКУССТВА

Спектакль "Спасти камер-юнкера Пушкина" в Школе современной пьесы. Художественный руководитель театра Иосиф Райхельгауз, автор пьесы Михаил Хейфец (Иерусалим), режиссёр Валерия Кузнецова

Не даёт Пушкин покоя недругам русской культуры, достаточно вспомнить дявольские постановки: "Онегин" Тимофея Кулябина в Новосибирском "Красном факеле" (2012 г.), "Мель" режиссера Александра Огарева в Омском академическом театре драмы (2009 г.), "Евгений Онегин" на Тангане Юрия Любимова (2000 г.), "Повести Белкина" режиссера Андрея Любимова в Пятом омском театре (1997 г.).

Во всех названных спектаклях надругательство над Пушкинином ещё как-то прикрывалось инскажанием, в театре же Иосифа Райхельгауза слова ненависти к солнцу русской поэзии звучат совершенно неприкрыто. Протирая ряд текстов из шедевра Хейфеца, которые в спектакле воспроизводятся дословно. Вот самые первые слова из монолога персонажа Питунина в сваливающейся затрепанной бляхе (артист Александр Овчинников): "Пушкина я возненавидел ещё в детстве. Ещё с детского сада. Откуда я знал, что не любить Пушкина нельзя. И воспиталка, как же её звали? Сука. Да хрен бы с ней, заставляла Пушкина слушать. Вот убили его и правильно сделали! Раньше ещё надо было!"

Итак, в первых же словах – ложь. Стихи Пушкина, как и других русских классиков, в школе мы с удовольствием заучивали, и никаких проблем в этом не возникало. Он настолько русский и гениальный, что мы часто вспоминаем его и даже говорим его словами: "Октябрь уж наступил – уж роща отряхает последние листья с обнаженных ветвей"; или "Зима!.. Крестьянин, торжествуя, На дровнях обновляет путь". Любить Пушкина никого не принуждали, а выучить его стихи по программе – будьте добры.

Любить принуждали Ленина и Сталина – дело происходит при советской власти, – но не о них здесь речь. А если быть точнее, то в 1917-1932 годах вообще существовал лозунг Пролеткульта: "Сбросим Пушкина с корабля современности!", который воплощался с жестокой последовательностью и при полной поддержке властей. В костёр революции лети не только иконы, но и томики стихов Пушкина.

Пошёл наш несчастный герой в первый класс и попал в школу имени Пушкина. Оценивает он эту ситуацию так: "Приехали. Я-то думал, что с Пушкиным покончено, что он навсегда остался в детском саду. И здесь за мной увязался". Заметив его нелюбовь к Пушкину, "училка", по его словам, "посмотрела на меня так, как будто я самолично этого Пушкина пристрелил". Слово "пристрелил", а не "убил" или "застрелил" повторяется неоднократно. Слово "пристрелил" применяют тогда, когда убивают бешеную собаку или гнусного врага. И друг его Дубасов (Николай Голубев), не желая рисовать картинку к сказкам Пушкина, говорит: "Вот чего, Дантес не мог Пушкина чуточку раньше пристрелить? Пока он ещё эти сказки не написал?". Может ли какому русскому прийти в голову такая звериная ненависть, будь он в любом возрасте?

И ещё: "Так люто, как этого Пушкина, я никогда никого не ненавидел. Ненавижу больше, чем Секу (Иван Мамонов) с Витьком (Николай Голубев), когда они у меня 20 колеек отнимали, больше, чем Гитлера...". Это уже маразм, только чей: взрослого Питунина, вспоминающего свои детские годы, автора текста или постановщика?

Для всякой мерзости находят постановщики

как бы предлог, но какое это имеет значение? То произносит её дважды с сотрясанием мозга сам главный герой, то ему снится слова Витьки: "Чтобы его вообще на хрен в младенчестве удавили. Чтобы он, сука, вообще ничего не написал. И няньку эту его, Арину Родионовну, сказочницу хренову. Это тебе, сколько пацанов спасибо скажут". В любом случае, пещерная злоба создателей спектакля кроется за этими словами, и не важно, кто и при каких обстоятельствах их произносит. Вообразите, какая-то блондинка в джинсах и белой рубашке из первого ряда, где сидят члены жюри, при возгласах типа "Пушкин... сука" взвизгивала от восторга.

Обратимся теперь к названию спектакля. О каком спасении идет речь? Герой подрастает, из желания добиться взаимности от некоей Леры он обманно заявляет ей, что любит Пушкина, и тем покоряет её. И тут же добивается желаемого: "Лера возьми и скажи: а как же так получилось, что его никто не спас? Да погоди ты... Это она уже мне. Ну чтоб я, типа руками не очень... А чего ещё делать? О Пушкине, что ли говорить? По мне так его ещё бы в лице грохнули. Или даже раньше... Но молчу, киваю. Опять под шумок руками полез... Сложилось всё. И хорошо как. И началась у нас с Лерой игра такая: стали мы придумывать, как можно было бы спасти Пушкина. Мне-то по фиг этот Пушкин. Сколько горя мы через него с Дубасовым приняли. Но за Леру я был готов спасти кого угодно". Итак, положительного смысла о каком-то спасении Пушкина, заявленного в заглавии спектакля, нет, а есть элементарное глумление.

Страдания от Пушкина повторились и в советской армии, где Питунин думал, что с Пушкиным пути не пересекутся. Но ему замполит предложил в известный день 7-го ноября рассказать стихотворение поэта. Справиться с этим он не смог, но выложился по полной: "Пушкин был очень маленького роста и страшный, все его обезьянкой называли. Но при этом женщин у него было немерено. Он, когда на своей Наташке женился, то так ей и сказал: ты, говорит, у меня 113-я. Ходок был, каких мало. Вот почему так, страшный, от горшка два вершка, а любая была готова с радостью ему дать?".

Такое же презрение в спектакле к супруге Александра Сергеевича: "Идалия Политека всё подстроила. Пригласила к себе Наташку (Татьяна Циренина), а сама взяла и свалила

из дома. Наташка приперлась, а там – нате изпод кровати Дантес! Заманили дурочку". Такая причина дуэли. Гомосексуалиста Дантеса, с чем мы спорить не будем, его любовник барон женил для отвода глаз на "сестре Наташки – Катьке".

Все рецензенты и сам Иосиф Райхельгауз в своей программе информируют: "Пьеса на самом деле рассказывает не о ненависти, а о любви. Каждый из нас в своё время приходил к самостоятельному выводу, что его поэзия прекрасна и что это великий поэт". Нам не надо было, однако, и мучиться над таким выводом, нам это было очевидно с первых же строк, прочитанных мамой или кем-то другим в семье, но в спектакле о любви нет ни слова, ни намёка. Да самых последних минут Питунин твердит одно и то же уже в наши дни перед

Сделано в Москве

книжным киоском: "Ну, откуда у него Пушкин? На хрен он тут кому сдался? Да и мне, если честно". Вместе с поделниками он взмывает дань с продавцов книжных киосков, набавляя сумму за то, что у них нет в продаже Пушкина. Тем самым он мстит книжным продавцам именем Пушкина и самому Пушкину за то, что тот испортил ему жизнь. В здоровую ли голову может прийти такое хитросплетение?

Кровавый финал спектакля подводит недвусмысленный итог. Замученный Питунин зачем-то появляется на месте дуэли

стараясь, а уничтожить всякую любовь русского народа к этому уникальному человеку, как это делали и делают вышеперечисленные режиссёры.

Проблемы преподавания Пушкина и вообще русской литературы в школах, конечно, есть. Об этом кричат сами учителя, но не "училки" создают их, а такие же режиссёры в руководстве образования, как и в Школе современной пьесы. Количества часов в 5-11 классах всего 2-3, где час, конечно, 45 минут. За такое время

Лев СТЕПАНЕНКО

нельзя замучить учеников ни Пушкиным, ни искателем тех, кому на Руси жить хорошо - Некрасовым, ни чудным баснописцем Крыловым...

Много чего ещё есть в спектакле. Например, озвучиваются похабно искажённые стихи Пушкина. Воспроизвести их здесь нельзя из соображений приличия, за исключением, быть может, такого:

Там тридцать три богатыря В помощке шутт три рубля, А их любимый Черномор Вчера у них полтинник спёр.

Забавен исполнитель роли Питунина артист Александр Овчинников – типичный этнический представитель одного из славянских племён Израилевых, который вдруг ни с того ни с сего делится сокровенным: "Я вообще-то к евреям не очень, но тут вышло неплюхо. Сестра вышла замуж за еврея и в Израиль укатила, а за ними и мама. Квартира стала моя и только моя".

Артисты играют испуганно. Ещё бы, легко ли извергать такого колоса, как Александр Сергеевич, приходится потопеть. Мной не названа ещё одна актриса – Даниэлла Селица. Всего женщин две, обе они тонкие и звонкие, замечательны во всех нарядах. Безотносительно к содержанию, ими можно было бы любоваться. Игра их виртуозна.

Каков же итог? Высказывается ненависть не только к Пушкину, но и решительно ко всему советскому прошлому. Последние фантазии Питунина таковы: "Убить всех. Воспиталку из детского сада. Училку по литературе. Секу с Витьком. Замполита, суку, Козлова, который у меня магазин на Василевостровской отобрал... Бах! Бах! Бах!". Особенно поиздевались постановщики над советской армией, а ведь Питунин сразу устроился там киномехаником и был освобожден от строевой и боевой подготовки. Получается, возненавидел он полковника только за то, что тот настоятельно предложил ему почитать Пушкина. Такова жуткая душа этого персонажа, и когда его убивают поделники и, страшно сказать, друзья детства, его не жалко.

И всё-таки пользу из спектакля можно извлечь, приняв за сведение не позицию театра о том, что над Пушкиным в России издеваются, а прямо противоположную. Мало дают в школе Пушкина. Я возвращался после спектакля домой в пустом автобусе, и вдруг передо мной возник приятный молодой человек, мне совершенно незнакомый, как я понял, из числа той группы студентов, которые присутствовали на спектакле и которые восторжались на аплодисментах до неприличия. Он обратился ко мне и между нами состоялся краткий диалог, поскольку он быстро вышел:

– Когда будет ваша рецензия? – Судь её я так схожу назвать не могу, но она будет обязательно, раз на неё есть спрос. Скажу только, что дам резко отрицательную оценку за издевательство над Пушкиным. – Но мы с ребятами тоже не любим Пушки-

на. Я был несколько обескуражен его открытием и успел только сказать: – Надо различать проблемы обучения и воспитания в школе от ненависти к Пушкину в спектакле.

Теперь же можно спокойно задуматься на эту тему. Нелюбовь нынешней молодёжи к классике русской литературы, – где есть эта нелюбовь, ведь не везде же, – можно объяснить только изъятием системы образования, но не субъективными, как у Витьки или Секи, а объективными. Сегодня никто уже не отрицает, что происходит резкое падение уровня образования в стране, появились миллионы неграмотных и малограмотных, у молодёжи отсутствуют жизненные перспективы, многие бессмысленно просиживают в интернете с единственной целью – как себя занять. Им не нужна поэзия, они не в состоянии читать стихи вслух, т.к. их не учат в школе разговаривать. Они не в состоянии сделать это ни физически, ни интеллектуально. Они не знают таблицу умножения и не в состоянии в уме произвести простейшие арифметические действия.

Такую молодёжь легко подвигнуть на разгром культуры, а не только Пушкина, как это произошло в Китае пятьдесят лет назад. В целях уничтожения своих политических противников Мао Цзэдун привлек более 50 миллионов студентов и учащихся, сбитых в отряды хунвейбинов. Они колесили по стране, устраивая погромы, самочинные казни, травлю уважаемых в народе людей, профессоров и преподавателей, на которых надевали шутовские колпаки и с позором возили в грузовиках; жгли старинные книги, громили исторические памятники. В 1966 году на полгода была приостановлена учебная деятельность во всех университетах и старших классах школ. Не слабо?

Отнюдь не Пушкин, у которого что ни строчка, то шедевр, виноват в этой ситуации сегодня в России, ну а прошлое мы проходили, как и персонажи спектакля, но делаем совсем другой вывод. Многие недостатки социализма мы видим теперь, но никто не причал нас ненавидеть Пушкина, и никогда его не было много, всегда хотелось больше. И сейчас возьмёмся порою томику Пушкина, откроешь на любой странице, и светлая благодать наполняет тебя: "Мороз и солнце; день чудесный! Ещё ты дремлешь, друг прелестный", или "Я помню чудное мгновенье: Передо мной явилась ты...". Однако, когда же доходишь до слов: "Москва... как много в этом звуке Для сердца русского слилось! Как много в нем отозвалось!", то становится жутко, поскольку там, в Москве, сегодня даже и во сне кричат на Трубной: "Чтоб он, сука, ничего не написал!" (Трубная площадь – месторасположение театра).

Спектакль показан в "Ятлом театре" Омска 25 октября 2015 года на X Международном фестивале "Молодые театры России". Директор "Пятого театра" Никита Гриншпун обещал: "Здесь нет случайных театров. Я бы не выделял никого. Представлены разные художественные языки. В этом прелесть, в этом ценность. Такой фестиваль Омску нужен". С ним полностью согласна член жюри, заслуженный работник культуры РФ и прочее Татьяна Тихоновец: "Просто замечательно, что спектакль "Спасти камер-юнкера" сюда приехал".

"Прелесть" благословил губернатор Омской области Назаров В.И. В своем приветствии он написал: "Молодые театры России" – проект с именем и чёткой концепцией. Начинающим коллективам он открывает широкие возможности заявить о себе". От себя добавлю: заявил! Кстати, театру этому уже 26 лет, он давно заматерел. Заканчивает губернатор словами: "Всем участникам фестиваля желаю творческих успехов, а зрителям – незабываемых впечатлений!".

Со своей стороны желаю зрителям побыстрее забыть впечатления от спектакля, как бы стереть плевков, который нанесён нам из Москвы.

Омск

К 85-летию Алексея Прасолова

В повести Петра Чалого "Зимний листопад", посвященной Алексею Прасолову, моменты отчаянных противоречий, душевных исканий поэта выведены за скобки повествования. Подспудно всё это присутствует, прорывается как горькая обида неосуществленных творческих замыслов. Как чувство вины заволакивает сердце, шемит болью, тоскует перед задуманной, несбывшейся мечтой. Это чувство знакомо художнику. Оно с завидной регулярностью точит изнутри, терзает сомнением и убивает, как в случае с Алексеем Прасоловым.

Я умру на рассвете, В предназначенный час. Что ж, одним на планете Станет меньше средь вас. ...Окружены всё туже, Но душа не страшись: Смерть живая – не ужас, Ужас – мёртвая жизнь.

Последние предсмертные строки поэта. Почти с есенинской безапелляционностью "в этой жизни умирать не ново...". И никакими публикациями "этот стих не аннулируется..."

Жизнь Алексея Тимофеевича Прасолова (1930-1972) не уместится за скобками даты рождения и смерти. Свойство слова. Оно не умирает, остается в памяти, звучит и волнует воображение читателей. "И был язык у тишины – сводил он нынешнее с давним..."

По признанию литературной критики "явление" Прасолова вряд ли повторится в XXI веке. Его "просветлённость глубины" останется недостижимой вершиной поэтического вдохновения. И беда Прасолова не в том, что в нём не увидели высокого предназначения. Разглядели и оценили, по-своему неожиданно и быстро. Мгновенно пришло признание. Будто молния сверкнула! Погасла и исчезла. И в этом стремительном признании, как всегда, не нашлось времени для полноценного анализа. Справедливой оценки творческого потенциала.

Официоз советского периода, литературный "паровоз", хотя и не поставил на нём бюрократический крест, но в "реестре творчества" поэта отметил несомненный стиль, приверженность к классической форме. Нужна энергия для мобилизации масс, а не "прозрачное прозрение".

Здесь нет случайностей нелепых: С тобою выйдя на откос, Увижу грандиозный сплеск Того, что в нас не улетелось.

Он представлял собой грандиозный сплеск таланта. Если бы десятую долю восторженных слов, высказанных сейчас в свой адрес, смог бы услышать Алексей Прасолов?..

В бессилье не сутуля плеч, Я принял жизнь. Я был доверчив. И сердце не умел беречь. От хваткой боли человечей.

Во внешнем облике поэта читается и завораживающая внутренняя замкнутость, и прямота, и изворотливость человека, повидавшего жизнь. Видимо, за кажущейся простотой обще-

"Земля моя, я весь отсюда!"

Владимир ИКСАМИР

ния сложный противоречивый характер. Стремление не уступать в своей правоте, некое упорство. Желание идти до конца намеченным путём. Сам в себе, сосредоточенность мысли. Усталый путник пытается понять мир в многообразии и "тяжести веков". Наверное, во всем этом была недосказанность поэта, надленного особым взглядом жизненного пространства. Прасолов не укладывался в нормы поведения окружающих людей. Раздражал неординарностью поступков, неконтролируемых чувственных откровений. О нём могли рассуждать с очевидной иронией, осуждая его за его выходы. Он, и вправду, давал нескончаемое количество поводов посудачить о себе: то, взгромоздившись на письменный стол, пьяным голосом читал какой-то стих, приводя в замешательство коллег и посетителя районной газеты. То подобно, Гамлету, облившийся в плащ редактора, покидал сцену. И что греха таить, кто не декламировал стихов по пьяному недоразумению. Безостановочно, взахлеб, жестикулируя всем сердцем! В нём жил человек неограниченных возможностей, а широта поэтического восприятия выходила за рамки повседневной действительности сельского корреспондента.

Очевидцы рассказывают о его необычной походке. Говорят, что ходил он как-то боком, наклонив голову вперед. По-деревенски, размашисто, так мужик вышагивает по земле, понимая, что родная она ему. Можно сколько угодно соглашаться или возражать. Существует субъективная оценка: каков человек?.. Она характерна на момент сотворенного образа и соразмерна настроению в желании "быть" или "казаться".

Конечно, корреспондент районной газеты, поденщик слова, коим являлся Прасолов, на счету которого две тысячи очерков и рассказов, не мог, постоянно контактируя с земляками, сохранять обречённую некоммуникабельность. Увидеть в человеке главное, раздобыть информацию необходимую для формата публикации, репортёр Прасолов считал истинным призванием. Не приемля формализма в журналистской работе, находясь в гуще событий: то в хлопотах посевной бригады, то в авралах

машинотракторной станции, то в конторе колхоза, проявлял живой интерес к труженнику села. Репортёрскую работу сравнивал с поиском "особенных мгновений"... По вспышкам предыдущих впечатлений, определяя время и страну". И в каждой "вспышке" виделось открытие. Душа заряжалась на много лет. Лишь по прошествии времени, события становились

достоинством архива. Пылились в подшивке выцветших газет.

Дотошный публицист и почти никому не известный поэт. Стихи которого с завидным упорством не хотели понимать, не давали "добро" на общепризнанное признание. Мир советского литературного официоза жил по законам особого жанра, в котором информационные сводки всеозоных строев были главным поэтическим материалом. И в этом была своя логика и целенаправленный пафос, требовавший не размышлений о мироздании, а описания конкретного факта трудового подвига или производственного достижения. Кто-то скажет о неразрешимом противоречии мировоззренческих взглядов художника. Конечно, оно существовало в настойчивом преодолении себя, в незримом протесте писать о "своем", оставаясь собой, с народом и временем. Мучительное и горькое неприятие кондового уклада в литературе...

Фактом запоздалого открытия Прасолова называют отсутствие истинного наставника, который смог бы вовремя "преподнести" читающей публике самобытного автора. Центр никогда не спешил в признанию провинции. И чего здесь больше, московского ли снобизма, лютой зависти или чиновничьего равнодушия, неизвестно. Наверное, не совсем корректно проводить некие биографические параллели, но факты вещь упрямая, игнорировать которые трудно. Достаточно лишь с осторожностью интерпретировать, чтоб не накликать беды на литературную голову. Например, уважаемый Андрей Вознесенский в 14-летнем возрасте вёл дружбу с Борисом Пастернаком, который не мог не разглядеть талант будущего поэта. Это великое везение для Вознесенского. Да и возможности столичной жизни предлагали достаточно количество случаев "засветиться" в поэтическом отряде любого направления и порядка: от интеллектуалов в "пыльных шляхах" до суестьихся перед властью фронтёров.

Наступившее идеологическое послабление "оттепели" вдруг привлекательно возвестило о популярности "новых штурманов". И правда здесь в том, что даже своеобразный окрик

Никиты Сергеевича был скорее "похвалой" и пропуском в большую литературу, нежели дорогой в неизвестность. Радужно приняла сцена Политтехнического музея, и художественный постановку в театре на Тангане, и без промедления ОБВИР выдал визу в заманчивое зарубежье, где творческие встречи воспринимались, как благодатная фора или судьбонос-

ная предпочтения... Чем, конечно, не мог похвастаться сельский поэт Прасолов, "тянувший" по пьяному недоразумению очередной тюремный срок.

Ведь только в возрасте Иисуса Христа благословен "Новым миром". И как десять заповедей, десять его лучших стихотворений всемогущий редактор журнала Александр Твардовский напечатал одним махом. На удивление и к недоумению литературного бомонда. То был поступок и, конечно, своеобразный вызов. Кому?.. Скорее поэтам "небожителям". Для Алексея Прасолова наступило время триумфального взлёта! Критика, как всегда, отреагировала вятно... Гробовым молчанием. "Не формат!" – сказали бы сейчас. Не получив всеозоной "раскрутки" как поэт высокого уровня, Прасолов остался в плену сложившегося стереотипа. Талантливый провинциал! Власть не могла не настаивать на биография поэта (две судимости, не много ли?). Ещё говорили о пристрастии к алкоголю и семейно-бытовой неустойчивости. Да и мало ли причин, чтоб загнать самобытного, независимо мыслящего человека в "бязнь пустоты".

Тогда торжественно, в сиянии софитов, безраздельно хозяйничая выстраивалась, как на парад, по-новому звонкая эстрадная лирика шестидесятников. Огулительно потрясая архитектуру площадей и стадионов. Время трибунов, открытых диспутов требовало "маштабной", политически ангажированной поэзии, с обостренным чувством меняющейся формации, конвгенцией литературных направлений. Советская поэтическая эпоха "заражалась" стилистическим искусством западничества. Осторожное проникновение в стили раскрепощенного повествования становилось модным в кругу молодых писателей.

Прасолов, сохраняя приверженность традиционной школе, к числу новаторов не причислялся. Не было в нём социально-авантюристического куража. Игра в иную мысль не вдохновляла. Более того, оставаясь сторонним наблюдателем, вычурности новых веяний не воспринимал.

Михаил Пришвин всю творческую жизнь наблюдая природу, величественную красоту зем-

ли, не забывал и о главном её создании – человеке. Восхищался так называемыми "универсальными людьми", упрямыми с хорошим нравом, способностями которых проявлялись в зрелом состоянии взглядов. К таким, безусловно, относился Алексей Прасолов.

Присущая академичность стихосложения, существовавшая почти отдаленно на другом полюсе литературной жизни, была неизменным стилистическим знаком поэта. А в спокойном звучании слова слышалась великая философия русской поэзии. Виделась своя, проторенная муками творчества, дорога, которой поэт, следуя, гордился. Но гордость, это не признание читателя. Скорее самоуверенность и обман. Лишь внутреннее утверждение правоты и собственного "я".

И кто мог возразить, что его стих в лаконичной изысканности метафор не блистал философским прозрением и высоким накалом страсти. Как афоризмом ослеплял талант!.. Ей нужно чудо, чтоб завидно вспыхнуть. Ты, это чудо в людях не открыв. Но выдаешь испытанной рифмой Своей мастерски наизгнанный порыв.

Материализованная строка стиха, как "рожевица – с трудной улыбкой...", возникает и живёт в нём.

И душу я несу сквозь годы, В плену изысканный мигнут Не принимая той свободы, Что безучастностью зовут.

Сейчас многие литературные критики в один голос поют дифирамбы Прасолову. Называют достойным продолжателем классической школы Тютчева и Блока. Воздают должное поэту, писателю и журналисту. В архивах Воронежских областных и районных газет отыскивают его очерки, которые писались легко и без помарок, вызывая восхищение собратьев по перу. Но за рутинной работой сельского корреспондента коллеги не замечали пожизненный сочинительский дар Прасолова. Не понимали глубины его таланта. Больше судачили о его выпивках.

А он был поэт! Космический пришелец. Или ангел небесный, пролетая над деревней Ивановкой, как над родным гнездом, "приметил" мальчишка Алешу Прасолова, дланью своей прикоснувшись к вихростой макушке будущего поэта. Или ещё что случилось, но имел Прасолов предназначение писать стихи высокого философского смысла.

Газетный вариант, полная версия – на нашем сайте: denlit.ru

Газета «ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ» зарегистрирована в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций 9 апреля 2001 года. Регистрационный № ПИ 77-7768. Учредитель – БОНДАРЕНКО В.Г.

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Комсомольский проспект, 13, Тел. редакции: 8-499-246-00-54. Наш сайт: denlit.ru Служба распространения: 8-499-246-88-52. Электронная версия: zavtra.ru Электронный адрес: denlitera@yandex.ru Газета отпечатана в ЗАО Красноярская типография, г. Красноярск, Коммунальный квартал, 2. Общий тираж 10 000

Главный редактор Владимир БОНДАРЕНКО. Выпускающий редактор Валентина ЕРОФЕЕВА. Подписано в печать 23.11.2015 г. Заказ № 9747